

Золото мертвых

Автор:

[Андрей Васильев](#)

Золото мертвых

Андрей Александрович Васильев

Отдел 15-КХранитель кладов #2

Бытует мнение, что если ты востребован, то жизнь твоя станет легкой и приятной. Увы, но это не совсем так, и подтверждением тому служит пример Валеры Швецова, свежееиспеченного Хранителя Кладов. Он нужен многим, но это не значит, что нуждающиеся в его услугах люди и нелюди собираются вести с ним честную игру. Ну, а если учесть, что речь идет о золоте, то хорошего ничего ждать точно не приходится. Тем более, что это золото мертвых...

Андрей Васильев

Золото мертвых

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами, банками, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями – не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

Глава первая

Перстень. Красивый, массивный, по-моему, все-таки золотой, а не серебряный, он потихоньку представал передо мной во всей своей красе, я уже почти разглядел искусную вязь, выгравированную на нем, я вот-вот должен был различить, какого цвета камень, что поблескивает в его навершии, но мои надежды пошли прахом. Взревевший смартфон разорвал сон в клочья, выкинув меня из небытия в реальность, и я снова остался ни с чем.

– Да чтобы вам! – не выдержав, рявкнул я. – Вот кому нейдет?

Третью ночь подряд я пытался хоть что-то разобрать в той мешанине, которая мне снилась. Если с гарнитуром Лыбеди все прошло гладко и спокойно, я увидел сразу все три предмета, плюс бонусом мне дали подсказку на то, кто теперь его хозяин, то здесь сон больше напоминал то ли алкогольную, то ли даже наркотическую фантазию, в которой очень трудно вообще что-то осознать или просто разглядеть. Какие-то горящие дома, какие-то темные фигуры, какие-то дороги, непонятно куда ведущие... Бред, да и только. И – перстень, который всегда в этом бреде участвует, но как-то исподволь, на заднем плане, так, что я даже разглядеть его в деталях не могу. Сегодня вот почти удалось – и на тебе, кому-то понадобилось позвонить мне в... Ну да, уже восемь утра. И что? Я-то в отпуске!

«Номер не определен». Конечно, чего же еще ожидать? Нет, когда у меня имелись время и желание, я всегда охотно беседовал с представителями медицинских центров, которым просто не терпелось провести почти бесплатное полное обследование, или с сотрудниками компаний, объединивших под своей эгидой всех-всех-всех лучших московских юристов, неустанно пекущихся о том, чтобы каждый гражданин получил причитающуюся ему правовую поддержку. Разумеется, тоже бесплатную. Я внимательно их слушал, по ходу беседы задавал какие-то вопросы и даже соглашался немедленно приехать по названному адресу. Правда, напоследок всегда спрашивал:

– А не подскажете, где у нас в Йошкар-Оле эта улица находится? Просто я что-то такой не помню.

Половина звонивших после того, как я произносил название города, сразу вешали трубку. Вторые молчали, а секунд через пять уточняли:

– Йошкар-Оле?

- Ну да, - весело подтверждал я. - В ней.

Тут, как правило, сдавалась и вторая половина. Ну а самым упорным я предлагал оплатить мне билет на самолет до столицы, чтобы я полностью мог реализовать свои гражданские права, в разрезе медицинского обслуживания и юридической поддержки. Пока никто не согласился, но я не теряю надежду, что раньше или позже найдется щедрая душа. Остались же они где-то? Не хочется верить в то, что наш мир безнадежен.

Но сегодня не до этих тихих радостей. Я устал от трех ночей, заполненных до отказа отменным бредом, который ни на шаг меня не приблизил к очередной цели. Потому - не повезло вам, славные продавцы услуг. Не до вас мне.

Я сбросил звонок, потер ладонью глаза, которые зудели так, будто под веки насыпали песку, и опустил ноги на пол.

Снова взвыл смартфон, на экране высветился все тот же номер. Это уже странно и непонятно, рекламщики, как правило, не перезванивают сразу, система «холодных» звонков работает по-другому.

Но номер-то почему не определился? Случайные люди мне не звонят, неоткуда им взяться, а все остальные забиты в контакты. Впрочем, так было раньше, а теперь все изменилось, не стоит себе врать. Нынче мой круг общения изрядно увеличился, причем ряд абонентов даже и не подумают себе забивать голову всякими мелочами, связанными с элементарными правилами приличия. Проще говоря - плевать им с колокольни Ивана Великого, хочу я с ними общаться или нет. И даже несмотря на то, что мы, может, и вовсе не знакомы. Был уже позавчера прецедент, звонил мне какой-то неприятный хрипчатый господин, осведомлялся насчет того, как скоро я могу отправиться с ним на поиски клада восемнадцатого века, зарытого где-то под Калугой. Отдельно стоит заметить, что это был не вопрос, а, скорее, приказ, причем у звонящего не возникало и тени сомнения в том, что я ему подчинюсь. Когда же я из интереса полюбопытствовал, какова будет моя доля, собеседник сначала долго сопел в трубку, а после посулил пять процентов, причем с великой неохотой. Как видно, считал, что его компания и созерцание клада древнего и славного рода Нарышкиных для меня уже немалая награда. И здорово обиделся, когда я посоветовал ему купить себе билет на поезд и отправиться на поиски того места, где живут добрые и милые люди, готовые работать бесплатно.

Смешно? Вроде бы как да, но если вдуматься, то на самом деле становится грустно. Если подобные маргиналы уже мой номер где-то добывают, то впору начинать плакать.

К тому же не исключен и совсем уж неприятный вариант, связанный с представителями власти. Машину тех двух идиотов уже нашли, это мне отлично известно. Кто знает, вдруг я не все предусмотрел? Вдруг их пропажу какой-то особо смекалистый следователь смог связать с моей особой? И именно он сейчас хочет услышать от меня подробный и честный рассказ, который облегчит мне душу, одновременно с тем обеспечив срок. Ну или сумму, которую я выложу за то, чтобы этого срока не было. Тут как повезет с персоналией.

Нет, Шлюндт ударил в набат по поводу пропажи подручных еще вечером того же дня, когда они отправились в неведомые дали загробной жизни. Он позвонил часиков в восемь вечера и осведомился, не известно ли мне, где его телохранители.

Само собой, правду я рассказывать не собирался, потому немедленно сообщил, что они неожиданно высадили меня недалеко от метро «Фрунзенская», хотя вроде собирались отвезти домой, а после умчались в неведомом направлении. Я, понятное дело, удивился, но спорить не стал. Они не мои подручные, приказывать я им не вправе, а просить кого-то о чем-то не очень люблю. Короче – я не гордый, могу и метрополитеном доехать до дома.

Карл Августович похмыкал в трубку, покряхтел, как видно, все же испытывая некие сомнения, но упорствовать не стал. Я тому порадовался и отправился дальше малину есть, мне дядя Егор на прощание целую корзину ее подарил. Вроде бы лесная, а крупная какая, некоторые ягоды с клубничины размером. Ну не самые большие клубничины, но все-таки! А уж какая сладкая и ароматная! Как там у Грина было? «Улей и сад»? Вот что-то вроде того.

Он вообще мне понравился, этот лесовик с Минки. Деловитый, спокойный, основательный. Надо будет его еще раз навестить как-нибудь, просто так, без дела. Гостинцев отвезти, воздухом подышать, да и по лесу походить с металлоискателем. Душой отдохнуть, проще говоря. Та прогулка к железнодорожной станции по заповедным тропам все же здорово мне помогла. Как-никак я двух человек угробил, на секундочку! Да, не своими руками, да, не самых лучших представителей нашего вида, но факт есть факт. А лес как-то

оттянул все эти мысли, загнал их вглубь сознания, забрал себе все возможные нравственные муки, которые должны были, по идее, сверлить мой мозг.

Возможно, мне это только кажется, но... Есть что-то в этом ветре, гуляющем в кронах деревьев, в этой вечной тайне перепутанных и еле заметных троп.

А как дядя Егор удивился, когда я вернулся обратно, нагруженный гостинцами! Причем он даже не скрывал, что ему приятно мое внимание. В городе простота и прямота чувств не принята, мы всегда прячем свои эмоции не то что от других, но и даже от самих себя. Они могут показать наши слабости, и враги непременно ими воспользуются, чтобы усилить свои позиции. Какие враги? Любые. У нас их куда больше, чем друзей, просто в силу того, что дружба все больше и больше становится архаичным понятием. А вражда никуда не девается, становясь буднями. Мы боремся за новые должности, открывающие новые возможности, за просторные кабинеты, за зоны влияния, за квадратные метры... За все, что только можно. А в борьбе нет друзей. Там есть те, кто идет рядом с тобой, и те, кто идет против тебя. Причем время от времени первые становятся вторыми, но вторые, как правило, никогда не переходят в разряд первых.

Я на этот процесс еще в детстве насмотрелся, потому и предпочел работать за копейки в маленьком и никому не нужном архиве, где куча дам, давным-давно переваливших за бальзаковский возраст, просто досиживает до пенсии, плюнув на карьерный рост. Хотя, конечно, и у них всякое случается. Женщины же, им без теории заговоров и выдуманных на ходу коварных планов жить неинтересно. Но это все же другое, это для души, для сердца делается, а не карьерного каннибализма ради.

В общем – обрадовался лесовик, в гости звал, а под конец вот малиной угостил. Вытащил корзину прямо из-за пня, на котором сидел. Вот как у них так получается? Не было ее там еще минуту назад.

Что до Шлюндта – он мне еще раз позвонил на следующий день, сообщил, что машину нашли, но его помощников в ней не было. Молчал, как видно, ждал каких-то комментариев, но, понятное дело, ничего не услышал, кроме сочувственных и изрядно бредовых заверений на тему: «Может, в лес пошли и заблудились? Хотя – что им там делать?».

Одно плохо – эту беседу услышала Стелла, которая в тот момент как раз находилась у меня в гостях. Ну как в гостях? Она приперлась без приглашения и звонка, видимо, решив для себя, что теперь для нее это норма, поразила меня смелостью очередного летнего наряда, который не только не скрывал ее идеальные формы, а, напротив, их усиленно подчеркивал, и с порога начала обвинять меня в том, что я нарушаю все договоренности, какие только есть. Причем в чем именно я их нарушил, не объясняла, зато хитро поблескивала своими голубыми глазками, из чего я сделал вывод о том, что ничего о договорах, заключенных в Останкино, она не знает, но при этом какие-то смутные отголоски той встречи до нее донеслись. Мир Ночи, похоже, вообще довольно тесен, новости в нем разносятся быстро. Особенно если ты знаешь, к кому обратиться за ними. Стелла знала, в этом можно не сомневаться.

Во время разговора ведьма размахивала руками так активно, что в какой-то момент левая грудь все же вывалилась из платья, и я решил аккуратненько засунуть ее обратно. Во-первых, я все-таки не декоративный, у меня наличествуют инстинкты и желания, во-вторых, это смотрелось довольно-таки забавно.

Стелла замолчала на полуслове, отчего-то испуганно на меня глянула и пробормотала:

– Ты чего?

– Восстановил порядок. Чего замолчала? Ори дальше, я слушаю.

Ведьма подтянула платье повыше, приложила к моему лбу свою ладонь, глубоко вздохнула и сказала:

– Все-таки ты офигеть какой странный, Валера Швецов из Москвы.

И уехала в неизвестном направлении, велев звонить, если появится новая цель. Ну и по остальным поводам тоже. И даже не подозревала, что в какой-то момент она была в шаге от смерти, поскольку очень мне хотелось не за грудь ее подержаться, а за шею. Вот так прямо сдавить и не отпускать.

Но – удержался. Пока нельзя.

Вот только «пока» – это не «всегда». Будем считать, что до поры до времени за мной должок будет числиться, а как придет час, я ей всё с процентами верну.

К моей великой радости, другие новые знакомые меня оставили в покое, ни Михеев, ни вурдалаки о себе не напоминали. Зато вот звонки с неизвестных номеров начались. Нет, надо позавтракать и идти в ближайший салон связи, новую симку покупать.

Если, конечно, будет такая возможность. Шутки шутками, а если и вправду меня в полицию сейчас выдернут? Я, разумеется, не мальчик-колокольчик, меня таким не испугаешь, но все равно хорошего мало. Плюс довольно быстро про это узнает мой отец, в чем в чем, а в этом я не сомневаюсь. Ему подобная новость будет лучшим подарком из всех возможных, я разом компенсирую все его пропущенные дни рождения. И вот тогда-то понесется душа в рай, к гадалке не ходи. Он сначала отправит мне на выручку одного из своих адвокатов, а потом будет долго доказывать маме, что даже не сомневался в моем окончательном нравственном падении и изначально считал данный момент лишь вопросом времени. Но это полбеда, после он начнет утверждать, что именно она в этом виновата. Ведь именно она тогда, после аварии, не дала ему воплотить задуманное, это благодаря ей я остался здесь, а не отправился в Англию. Кто тогда заявил, что я вправе выбирать свою дорогу, а не следовать по тому пути, который, между прочим, был им, отцом, прекрасно распланирован? Она. И вот результат, вот куда этот путь привел. Сначала институт, в котором я получил абсолютно бесполезную профессию, потом работа в не менее странном месте, и теперь полиция, как логичный апофеоз бесполезной и бестолковой жизни единственного продолжателя династии Швецовых.

Мне-то на его речи плевать, но маму жалко, ей ведь все это выслушивать. Она натура хрупкая, творческая, все через сердце пропускает, через душу. У таких, как она, вообще в голове все по-другому устроено, не так, как у остальных. Вроде сидит, слушает, улыбается, а внутри небось ад бушует.

Так что – не хотелось бы.

Нет, ну какой же упорный этот человек, а? Первый звонок я сбросил, второй не стал, он сам затих, потому что пока я обо всем этом думал, время ожидания ответа истекло. Казалось бы – если не отвечают, значит, не хотят. А он вот в третий раз набрал.

Ладно, надо ответить. Вдруг что-то на самом деле важное?

– Валерий, добрый день, – чинно сообщил мне смутно знакомый женский голос. – Думала, что ты так и не возьмешь трубку. А это, между прочим, не слишком вежливо.

– Добрый день, – ответил я, пытаюсь понять, с кем говорю. Нет, я точно знаю эту даму, вертится что-то такое в голове, но что... – Просто утро еще довольно раннее, я спал.

– Раннее, но буднее, – верно подметила собеседница. – Ты же, как мне говорили, устроился куда-то на работу. Если не ошибаюсь, даже на государственную службу. Политически шаг верный, где, если не там, завязывать нужные знакомства. Я всегда знала, что ты мальчик разумный, работаешь на перспективу...

Тьфу ты! Ну конечно! Просто телефон немного меняет голос, вот я ее и не узнал! Но когда в ход пошли все эти «перспективы» и «нужные знакомства», то все сразу встало на свои места.

– Так и есть, тетя Жанна, – бодро отозвался я. – Правда, не до конца понимаю, как ваше сегодняшнее «разумный мальчик» согласуется с когда-то произнесенными в мой адрес определениями «отрезанный ломоть», «лишний человек» и даже, если не ошибаюсь, «паршивая овца». Я ничего не забыл? Ничего не перепутал?

– Ты вырос, – бархатисто засмеялась мама Юльки. – Зубастый стал. А был такой славный мальчуган! Валерик, ну к чему ворошить прошлое? Да, я, возможно, что-то такое брякнула в запале. Бывает. Я за тебя переживала, ты же вырос на моих глазах!

Что меня всегда восхищало в этой женщине, так это ее способность никогда не смущаться, даже в тех случаях, когда это практически невозможно. Ну и умение врать в глаза кому угодно даже не краснея. Это талант. Это от бога.

– Тетя Жанна, мне про себя все давно известно, – решил особо не церемониться с ней я. Да, у меня с отцом разные взгляды на жизнь, но в одном мы с ним точно солидарны – в отношении к этой женщине. Мы оба ее терпеть не можем. –

Переходите к делу, раз уж разбудили.

Новое дело – еще и в дверь кто-то принялся названивать. Да елки-палки, что за утро сегодня такое? Это-то кто?

– Валерочка... – Голос юлькиной мамы приобрел две новые нотки – встревоженность и легкое недовольство. – Я пытаюсь понять, что случилось с моей дочерью.

– Она входит в нашу секту, – подходя к двери, хмыкнул я. – Думаю, дело в этом.

– Какую секту? – уже непритворно всполошилась тетя Жанна. – Куда ты ее затащил, негодный мальчишка?

Я глянул в глазок и только головой покачал. Воронежская. Вспомни черта – и он появится. Причем она заметила, что я на нее пялюсь, и продемонстрировала мне бумажный пакет, точно такой же, с каким приходила несколько дней назад. Дескать – завтрак принесла, милый, буду тебя сейчас кормить.

– В секту под названием «потерянное поколение», – бодро сообщил я тете Жанне. – Или вы теперь не смотрите дневные ток-шоу? Там через день вещают о том, что мы, дети рубежа веков, совсем ни на что не годны в этой жизни. Так что одна у нас с вашей дочерью секта, пропащие мы с ней. Ну и с остальными «миллениалами» тоже. За компанию.

– Ты все такой же шутник. – Неподдельное волнение из голоса пропало, сменившись притворной естественностью. – Отвыкла, отвыкла! Поймал ты меня!

– Есть такое. – Ключ провернулся в замке. – И все-таки – чем могу служить?

Воронецкая влетела в прихожую, чмокнула меня в щеку и снова помахала пакетом.

– Привет, пупсик, – невероятно весело прощебетала она, а после похлопала меня по животу. – Ты опять голенький? Ох, Валера, не кончится это добром, быть кому-то оседланным! И-и-иххха-а-а-а! Ладно, умывайся и дуй на кухню!

- Это у тебя там кто? - заинтересовалась собеседница. - Женщина?

- Именно, - подтвердил я. - И, как мне кажется, вас этот факт должен радовать.

- Почему? - озадачилась тетя Жанна.

- Потому что вам, насколько я понял из ваших слов, безразлична моя судьба. Согласитесь, было бы куда хуже услышать, что меня хочет завтраком накормить мужчина. В наше политкорректное и толерантное время подобные экзерсисы не редкость. Мало того - они уже становятся нормой. А так ваша душенька спокойна, сын старых друзей сбился только с карьерной дороги, но гетеросексуальную не покинул. Это ли не повод для радости?

- Повод, повод. - Надоело юлькиной маме играть в добрую тетю, теперь я это отчетливо слышу. И слава богу. - Вот что, Валерий. Скажи-ка мне, что у тебя с моей дочерью произошло?

- Соитие, - честно ответил я. - По взаимному согласию и неоднократно, уж простите за подробности. Но было это так давно, что мне самому сказанное кажется неправдой.

Наверное, все это звучит довольно грубо и цинично. Да просто наверняка так оно и есть, но... Не буду я бисер перед ней метать, поскольку являюсь личностью далекой от политики всепрощения. Я не забыл всего того, что она говорила за моей спиной, точно зная, что мне все передадут, и испытывала от этого немалое удовольствие.

Юльку, правда, палить не стал, ни к чему ей знать, что наш последний «романтик» имел место быть совсем недавно. Просто она ведь потом дочери все жилы вытянет, я ее знаю. Нет, если верить самой последней смске Юльки, мы теперь стали друг другу чужими, но это не отменяет предшествующие годы.

- За дуру меня не держи, - потребовала тетя Жанна. - Давно, неправда... Если бы так! Она же к тебе с Бали сорвалась. Думаешь, не знаю?

- Думаю, не знаете. Признаться, я и сам не в курсе.

– Валера, не надо со мной так разговаривать. Не надо. Да, я против вашего общения. Да, я не раз требовала от Юли, чтобы она тебя выбросила из головы. Правда, все мои просьбы были что о стену горох... Но это ладно. Я думала, что она со временем перебесится, потом подберу ей хорошую партию, и все встанет на свои места. А пока пусть к тебе иногда бегают, физиология есть физиология. Но я даже предвидеть не могла того, что случится!

– А что случилось? – чуть напрягся я.

– Знаю, что прозвучит странно... – чуть ли не впервые в жизни я услышал неуверенность в голосе этой женщины. Это было на нее настолько непохоже, что мне стало немного не по себе. Уж не добрались ли до моей подруги нехорошие кровососы, плюнув на договоренности? – Валера, мне не нравится, как она пытается тебя забыть!

– Чего? – я прислонился спиной к стене, чтобы не упасть. – Теть Жанна, вы только что взяли главный приз в категории «Вот это да!». В моем личном рейтинге, имеется в виду. Много чего в жизни слышал, но такого...

– Сама в шоке, – подтвердила женщина. – Но, Валера, ты и меня пойми, я же мать! Да, мне пришлось смириться с тем, что она выросла, что она невесть где и невесть с кем таскается по ночам, что иногда по утрам от нее пахнет спиртным, что она с тобой спит, в конце концов. Мне все это очень не нравится, но она стала взрослой и неплохо знает свои права. Я пыталась на нее воздействовать финансово, но тут в дело вступил отец, и все пошло прахом. Но это все было хотя бы понятно! А то, что происходит сейчас, меня откровенно пугает.

– Да не томите вы! – Я состроил страшную рожу Стелле, которой надоело ждать меня на кухне. Она приперлась в коридор, провела ноготком указательного пальца правой руки по моей груди, а после прильнула ко мне всем телом. – Поподробнее можно?

– Поподробнее? – в голосе женщины появился трагизм. – Конечно, можно! Как тебе, например, тот факт, что она позавчера изрезала на кусочки все фотографии, где вы вместе?

– Ну-у-у... – протянул я задумчиво. – Случается такое.

– Мальчик мой, ей давно не пятнадцать лет! В нежном возрасте это норма, но сейчас?

– Она в свое время увлекалась символистами, – осторожно произнес я. – Может, дело в этом? Есть в данном поступке некая символичность.

– Символисты – это другое, – осекла меня тетя Жанна. – Ладно, бог с ними, с фотографиями. Но Юля уже который день вообще из дома не выходит. Хотя нет, вру, вчера она на два часа уезжала. И знаешь куда?

– Куда?

– В церковь! – трубно возвестила собеседница. – В церковь, Валера! Каково?

Каково? Хорошо! Значит, мои новые друзья тут точно ни при чем. Подозреваю, что их жертвы от церкви шарахаются как черт от ладана. Кстати – хороший каламбур.

– Мало ли чего ее туда понесло, – предположил я, оттолкнув от себя вконец разошедшуюся Воронежскую, вошел в комнату, взял из пачки сигарету и отправился на балкон. – Все когда-нибудь приходят к богу. Может, и для нее настал такой момент.

– Валера, у меня очень, очень плохие предчувствия, – со слезой в голосе заявила тетя Жанна. – Мне кажется, она решила покончить жизнь самоубийством.

– Чего? – у меня чуть сигарета из рта не выпала. – Кто? Юлька? Да она скорее всех нас закопает! С ее-то жизнелюбием!

– Нет никакого жизнелюбия! – гаркнула женщина. – В помине! Говорю же – дома сидит! Ноутбук не открывает! Ни одного поста в инстаграме не было уже пять дней! Ни од-но-го! Да она даже когда попала в реанимацию в Инсбруке, и то селфи постила, а тут – тишина в эфире. Валера, надо что-то делать!

– Делайте, – поддержал ее я. – Сами сказали – вы мать. Поговорите, найдите нужные слова. Сами не отыщете – есть психологи, на худой конец, психиатры.

- Попыталась, - вздохнула тетя Жанна. - Не хочет говорить. Что до психологов... Они хороши только для того, чтобы выговориться, а в остальном толку-то от них... А еще не хочется публичности. Эти господа все на жаловании у интернет-порталов, нашей семье горячие новости под заголовками «Дочь бизнесмена Певцова сошла с ума» не нужны совершенно. Сергей заключает крупную сделку с канадцами, скандалы не ко времени. Кстати, твой папа тоже в ней...

- Последнее неинтересно, - оборвал ее я. - Повторю вопрос - от меня что требуется?

- Поговори с ней, - как-то необычно искренне попросила меня Юлькина мама. - Просто поговори. Только не по телефону. Давай как тогда, когда вы еще... Думаю, ты понял, о чем я. Мы сейчас за городом, в Петрово, так вот и приезжай к нам. Посидите в беседке, посмотрите на закат, на речку сходите.

- Умеете удивить, - хмыкнул я. - Чего-чего, а этого не ожидал.

- Валера, есть случаи, когда самолюбие можно и нужно в одно место заткнуть, - неожиданно резко произнесла тетя Жанна. - Я же заткнула? Вот нашла твой телефон, позвонила, хоть и очень не хотелось. Юля душой крепкая, в отца пошла, но она все-таки девочка, то есть имеет право на ошибку. Первая - это ты, но ее я пережила. А вот какой будет вторая, я даже думать не хочу. И чтобы она случилась - тоже не хочу. Скорее всего, я дую на воду, и тем не менее. Короче - бери ноги в руки и приезжай, на ужин у нас сегодня жареный гусь. Помнится, ты его всегда любил.

- Это да, - признал я. - Но все же...

- Я тебя никогда ни о чем не просила! Это первый раз!

- Второй, - поправил ее я. - Первый был на последнем звонке. Вы заставили меня в капустнике физрука сыграть, хоть мне и не хотелось этого делать.

- Ты по фактуре подходил, - сказала как отрезала тетя Жанна. - За тобой машину прислать?

- Сам доберусь, - проворчал я. - Но, может, не сегодня? Может, завтра?

Хрен ее, Юльку, знает. А ну как и вправду чего такое задумала? Особенно если учитывать, как она квасила в последнее время. И, возможно, не только квасила.

Да и права тетя Жанна. Мы на самом деле друг другу не чужие люди.

– Вот и славно. – Голос снова стал привычно-медовым. – Я знала, что ты хороший мальчик. А что натворил дел в прошлом – так с кем не бывает?

И повесила трубку. Ну а как же, последнее слово всегда должно быть за ней. И дочь в данном случае вся в мать!

– Кофе стынет, – скрипнув балконной дверью, сообщила мне Стелла. – И еще – Валер, ты уже фильтр куришь.

То-то во рту такой привкус пакостный! Тьфу!

Круассаны были хороши, джемы на этот раз не поражали странностью ароматов, что же до кофе, то тут вовсе слов не имелось. При всей своей вредности и стервозности варить его Воронежская умела.

– Вкусненько? – прощепетала Стелла, пододвигая мне очередной круассан. – Нравится?

– Не то слово, – пробубнил я с набитым ртом. – Хоть что-то хорошее в это утро случилось.

– Какие-то проблемы? – показала ведьма глазами на лежащий рядом со мной смартфон. – Да?

– Твоими заботами, – прожевав кусок, произнес я. – Кто тебя тогда за язык тянул? Ну когда моя приятельница заявила? Ты пошутила, она поверила, собирается руки на себя наложить теперь.

– И пусть ее. – Стелла подлила мне кофе. – Прости, но я дураков да дур никогда не жалею. Если она глупа настолько, что не может взять и просто поговорить с мужчиной, которого любит, а вместо этого таблетки жрет или в петлю лезет, то, возможно, это не самый плохой вариант. Значит, она не готова к тому, что жизнь

это не только праздник, что в ней иногда надо самой идти вперед, а не на месте топтаться и ждать, пока тебя кто-то подвезет. Вот этот джем попробуй, абрикосовый. Очень вкусный! С кислинкой.

И ведь даже не поспоришь, сказано все верно. Только от правоты этой не духами французскими пахнет, а серой тянет за километр.

- Вале-е-е-ер! - Стелла лукаво прищурила левый глаз. - А ты чего сегодня вечером делаешь?

- По делам уезжаю. - Я намазал круассан рекомендованным ей джемом. - По важным и неотложным.

- Ответ неверный! - Воронежская погрозила мне пальчиком. - Сегодня вечером мы приглашены на ужин. Ну, вернее, приглашена я, а ты идешь со мной. Идешь, и это не обсуждается. Это важно для нас обоих.

- Не-а. - Я покачал головой. - Без меня. Я подобные мероприятия не люблю.

- Да что ты? - У ведьмы как-то вдруг исчезла игривость из голоса и озорство из глаз. - Ой ли? А если подумать?

- Ты о чем? - с набитым ртом поинтересовался у нее я.

- О том, что три дня назад ты охотно посетил поздний ужин в одном милом доме. - Воронежская приблизила свое лицо к моему. - В Останкино!

Глава вторая

- Поверь, измены не было, - отхлебнув кофе, укоризненно посмотрел на ведьму я. - В моей жизни теперь есть только ты, так что успокойся. Да и не такой там уж милый дом. Так... Здание, строение...

Все же пронюхала. Хотя нет в этом ничего странного. Народу, если можно так сказать, там было немало, кто-то где-то что-то сболтнул, и понеслось дерьмо по трубам. А если учесть, что все слухи раньше или позже достигают ушей Абрагима, с которым Стелла в дружбе, то удивляться нечему.

– Будь любезен, дурака не включай. – Выражение лица Стеллы добрым было назвать сложно. Причем из-за этого она как-то сразу лет на двадцать постарела, кабы не больше. Может, гнев выдает истинный возраст ведьмы? – Такие штуки хороши с твоей клушей-подружкой, но не со мной.

– Ой, боюсь, боюсь, – фыркнул я и протянул ей опустевшую чашку. – В раковину поставь, будь добра.

Бздынь! Белые осколки емкости, со всего маха брошенной об пол, разлетелись в стороны. Ух ты, в таком гневе Воронецкую я еще не видел, даже тогда, на лесной поляне, она держалась куда корректней. Ну насколько это слово вообще к моей новой подруге применимо.

– Чего творишь, малахольная? – раздался возмущенный голос Анисия Фомича, а после и он сам присоединился к нам, выбравшись из-за холодильника. – А? В чужом дому посуду бить? Совсем страх потеряла, ведьма?

– Ты меня еще поучи! – мигом вызверилась на него Стелла, ее ноздри раздувались, глаза сузились, и вообще она сейчас больше напоминала хищное животное, чем человека. – Тебе слова не давали!

– Я тут хозяин! – и не подумал тушеваться подъездный. – Дом этот под моей защитой, так что пугать меня не следует! Сейчас обчество кликну, от тебя одна шерсть останется!

– Шерсть? – заинтересовался я, вставая с табурета. – Это вряд ли, Анисий Фомич. Стелла Аркадьевна дама прогрессивная, за собой следящая, так что эпилируется, полагаю, с завидным постоянством. Разве что на совсем уж интимных местах какую особо изощренную стрижку имеет, да и то не факт. Нынче в тренде...

– Заткнись! – взвизгнула ведьма.

– Как скажешь, – покладисто согласился я, после сходил в кладовку, принес веник и совок, стоящие там со времен царя Гороха, и протянул ей. – Держи.

– Это что? – моя компаньонка, похоже, удивилась. – Это зачем?

– А ты угадай! – под злорадное хихиканье подъездного предложил я ей. – Стелла, ну, наверное, не для того чтобы ты на него села и улетела отсюда нахрен. Для этой цели я бы тебе метелку принес. Это для уборки. Намусорила – будь любезна навести чистоту. Стоимость разбитого, так и быть, возмещать не надо. Я добрый.

– Ты серьезно? – Воронежская отчего-то ощутимо напряглась. – Ты хочешь, чтобы я подмела пол в твоём доме?

– Хочу? – я улыбнулся. – Нет, милая, просто-таки настаиваю на этом. И еще – позволишь еще раз себе что-то подобное, больше никогда порог моей квартиры не переступишь. Мы с тобой не муж с женой, не брат с сестрой, ты мне даже не любовница. Мы просто скованы одной цепью до поры до времени, но и только. Потому запомни – знай свое место, ведьма. Как следует мои слова усвой, хорошо?

– Вот это правильно! – одобрительно крякнул Анисий Фомич. – И это... Если в наш дом крысиную королеву запустишь, то я исхитрюсь, но тоже тебе какую гадость сделаю! Сама, поди, знаешь, что наше племя хоть и живет наособицу друг от друга, но, если что, всегда заодно действует!

Ну да, пугала она его чем-то таким, было.

– Мети, что смотришь? – Я снова уселся на табуретку и взял круассан. – А потом налей мне еще кофе и иди за стол. Так и быть, кое-что тебе расскажу. Но не столько, сколько собирался, и в этом ты сама виновата. Разозлила ты меня, душа-девица. Сильно разозлила.

А с веником-то владелица салона красоты управляться особо не умеет. Ну правильно, у нее там менеджеры по клинингу есть, самой ничего делать не приходится. Да и детство, видать, у нее безоблачное было, не трудили ее родители чрезмерно.

– Анисий Фомич, ты прости меня. – Я указал подъездному на свободное место за столом. – Со всей этой суетой я о твоей просьбе совершенно забыл. Ну той, что связана с Михейкой и рыжим котом.

– Ох, – покачал головой подъездный, карабкаясь на табурет. – Такой скандал вчера был, такой скандал! Хозяйка наконец заметила, что нету кольца, начала на мужа своего орать, что тот его стащил или девке блудной подарил, или, того хуже, пропил! А он-то и ни при чем! Нет, девка есть, это правда, когда хозяйка по работе в другой город уезжает, то она с мужиком тем так блудодействует, что стены трясутся! Но жена про нее на деле-то и знать не знает. Хотя, как мне думается, догадывается.

– Все вы козлы, – мрачно буркнула Стелла, сгребая осколки в совок. – Борода, потом скажешь мне, в какой квартире этот паскудник живет, я ему яйца отсушу нахрен!

– Не без того, – согласился с ней я. – Хотя кто бы говорил? Небось сама семей забавы ради разбила не меньше, чем чашек. И, кстати, вон еще два осколка лежат у стены. Не халтурь, Воронежская, не халтурь!

– Я ведьма, мне можно, – зыркнула на меня исподлобья Стелла, но, высыпав уже собранные осколки в ведро, направилась туда, куда я ей показал. – Во мне инстинкт разрушения института семьи заложен изначально, мне чужое счастье видеть, как гвозди есть.

– Все равно нехорошо получилось. – Анисий Фомич глянул на круассан, потом на ведьму, и не стал его брать. – Неправильно. Кто у них там с кем шашни водит – дело не наше. Тем более что хозяйка тоже не без греха. Недавно днем заявилась, а с ней мальчонка лет на двадцать ее младше. Ох, что творили, что творили! Такая срамота! Но с колечком Михейкина вина, тут ничего не попишешь. Надо бы найти.

– Молодец баба, – одобрила слова подъездного ведьма. – Если уж грешить, так с молодым и горячим, а не с каким-то пеньком замшелым!

– Сейчас моя гостья приберется, после мы с ней попросимся и пойдем искать потерянную цацку, – сообщил я Анисию Фомичу. – Время у меня сегодня есть.

– Но его не слишком много, имей это в виду. – Стелла стряхнула последние осколки в ведро, поставила инвентарь к стене и тоже уселась за стол. – Сначала мы все же поговорим, хочешь ты того или нет, а после тебя ждет дорога дальняя, причем на метрополитене имени В. И. Ленина. Я тебя из вредности не повезу, а на такси ты в центр долго будешь из своей глухомани добираться.

– Поясни? – попросил я ведьму.

– Тебя Абрагим в гости приглашает, к двум часам дня, – с невыразимой сладостью прошептала ведьма. – Перекусить и пообщаться. И сразу предупрежу – отказываться не рекомендую, аджины очень обидчивы. Один раз его приглашение не примешь – и кто знает, может ты его заведение вообще больше никогда на улице Фрунзе найти не сможешь. Так что – одевайся, Валера, обувайся, Валера, и марш-марш вперед! Но не раньше, чем мы с тобой закончим беседу, разумеется.

– Аджин? – заинтересовался Анисий Фомич. – Это кто же такой? Никогда о таких не слышал! Иноземец, поди?

– Руки вперед вытяни, – попросила его ведьма. – Не лупай глазами, вытягивай давай!

Подъездный с сомнением посмотрел на меня, огладил бороду, а после неуверенно сделал то, о чем его попросила Стелла.

– Вот. – Ведьма взяла с тарелки два последних круассана, и положила их в ладони Анисия Фомича. – Держи и иди к себе, позавтракай. Кофе не предлагаю, знаю, что твое племя его не пьет. Дай мне с Валерой спокойно пообщаться.

– Ага, спокойно, – возразил ей подъездный. – Ну как ты опять начнешь посуду бить?

– Не начну, – кротко пообещала Стелла. – Проваливай!

– Смотри у меня, – спрыгнув с табурета, велел ведьме Анисий Фомич. – Если чего, то – у!

Он засунул хрустнувшие круассаны за отворот комбинезона, отправил в рот крошки, аккуратно пойманные ладонью, и скрылся под раковиной, аккуратно притворив за собой дверку шкафа.

– Проклятая глобализация, – пожаловалась мне Стелла. – Еще сто лет назад эта мелочь пузатая не смела носу со двора высунуть и шарахалась от любого, кто не относится к их роду. А тут – погляди, чего творится! Как тебе это его «у»?

– Хорошее «у», – не согласился с ней я. – Твердое и уверенное. Стелла, так ты долгожитель, выходит? Ты помнишь, что было сто лет назад? Нет, положительно, у нас нет будущего как у пары. Геронтофилия – не мой профиль.

– Скотина ты эдакая, – надула губы женщина. – С дамой – и о возрасте? Фу! И сразу – я про прошлое знаю из рассказов коллег, а среди них попадаются те, кто не то что начало двадцатого века помнит, но и куда более давние времена. Довелось мне как-то общаться с одной старушкой, так она на полном серьезе рассказывала мне о том, как уносила ноги от опричников Ивана Грозного. Те ведь не только измену среди государевых людей выискивали, но и противные богу промыслы изничтожали. То есть таких, как мы с тобой.

– Круто, – без тени иронии отозвался я. – Внушает. Интересно было бы с ней о том и о сем поболтать.

– Сплюнь три раза, – посоветовала мне ведьма. – Она таких, как ты, на завтрак ест, причем в буквальном смысле. И вообще – ты даже не представляешь, как тебе повезло со мной. Правда-правда. Я с тобой, оленем в загоне, цацкаюсь чего-то, а любая другая уже сыпанула бы в кофе порошочку специального, волю подавляющего, да и все. Служил бы ты ей, как пес верный, и радовался, когда за ушком чешут.

– Стелл, вот не надо, – попросил я ее. – Seriously. Если бы ты имела возможность мне что-то такое подсыпать, то давно это сделала бы, и мы оба это знаем. Лучше скажи, чего от меня Абрагиму нужно?

– Понятия не имею. – Ее голубые глаза смотрели на меня настолько честно и искренне, что сразу становилось понятно – она врет. – Он мне не говорил, а я не спрашивала.

– Ну да, ну да, – улыбнулся я. – Лады, съезжу. И даже, если хочешь, потом тебе позвоню и обо всем доложу.

– В самом деле? Всё-всё? – приложила руки к щекам ведьма и сложила губы в букровку «о», став похожей на героиню рисунков в стиле «пин-ап», только сползшего чулочка не хватало для полноты картины. – Ну надо же! Я уже и не надеюсь на такое!

Я встал из-за стола и отправился в комнату, туда, где лежали сигареты, поскольку надоело мне это шоу. Нет, я ей, конечно же, ничего рассказывать не планировал, но что с того? Могла бы и подыграть.

Стелла заявила на балкон следом за мной и устроилась рядом, положив локти на металл ограждения.

– Валер, пойми меня правильно, – тихо произнесла она. – Если я не буду знать, что происходит, я не смогу координировать наши планы. А если этого не делать, то не управимся мы до осени. Никак не управимся.

– Стелла, повторю уже сказанное ранее – «мы» это очень громкое слово, – выпустив дымок, произнес я. – «Мы» – это когда вместе, а ты всегда предпочитаешь играть в одну сторону. В свою. Нет, я все понимаю, это жизнь, своя рубашка ближе к телу, но тогда и обижаться не на что. И потом – ты уверена, что выбралась бы из того дома в Останкино живой? Меня бы не тронули, можешь не сомневаться, а вот твой обескровленный труп нашли бы потом в соседних прудах, да и все. Какая польза тем, кто там был, от настырной ведьмы, сующей свой нос во все щели? Это добрый и интеллигентный Карл Августович более-менее тебя терпит, а вурдалаки ребята простые и незамысловатые. Осушили бы – и все. Кому бы я потом ноги мыл?

– Вот ты злопамятный, а? – вздохнула она. – Брякнула один раз глупость не подумав, ты теперь мне ее до конца времен припоминать станешь.

– Смотря каких времен, – уклончиво ответил я. – Подытоживая – не лезь туда, куда не надо, и, может быть, все закончится хорошо. Для тебя и меня, имеется в виду.

– Нас, – она взяла меня под руку и положила мне голову на плечо. – Все-таки – нас. Молчи, ничего не говори, не порти момент.

И вот здесь я с ней спорить не стал, потому что люблю курить в тишине.

– Леший с ним, с подробным рассказом, после все выложишь, – сообщила мне Стелла, когда мы вернулись в помещение. – Клады и сокровища – это прекрасно, но у меня еще и бизнес есть, ему требуется внимание, потому я поехала. Ты встреться с Абрагимом, а после набери меня, мы согласуем с тобой время и место нашей встречи.

– Какой встречи? – уточнил я.

– Швецов, ты вообще меня слушаешь? – опять начала заводиться Стелла. – Я тебе двадцать минут назад сказала, что вечером мы едем в гости! Нас пригласили! Если точнее – тебя. Но со мной!

– Точно, было, – признал я, решив не уточнять, что изначально вроде говорилось о том, что это ее пригласили, а я так, прицепчик. – Стелла, не могу, извини. Мне надо бы за город выбраться, проведать приятельницу, которая благодаря тебе...

– Не начинай снова, умоляю тебя! – простонала ведьма. – Не могу больше все это слышать! Съездишь завтра, в конце концов. И, если захочешь, я дам тебе зелье, от которого твоя подруга станет веселой, словно котенок, играющий с клубком ниток. Нет-нет, это не наркотики, не переживай. Просто у нее на некоторое время обострится желание простых плотских радостей, вроде поесть, выпить и с кем-нибудь переспать, а нравственный уровень и инстинкт самосохранения одновременно с этим, наоборот, немного понизятся. Ну а когда все закончится, глядишь, она или венерическую болезнь подхватит, или забеременеет от кого-нибудь. В любом случае ей точно станет не до тебя.

– Сомнительная штука. Хотя – не лишено смысла. Я подумаю.

– Вот по дороге и подумаешь, – заявила Стелла. – Жду звонка. И напому – разговор насчет Останкина не закончен. Он еще даже не начинался, так что нам будет чем заняться по дороге.

Что за человек, а? Точнее – что за ведьма. Ведь сама нарывается.

– Стой, – остановил я ее тогда, когда она уже отрыла дверь. – У меня тоже есть вопросик. Ну, точнее, нюансик, который очень хотелось бы прояснить.

– И? – насторожилась Воронежская, которая, похоже, уже изучила мои интонации.

– А правду говорят, что у ведьм на заднице есть хвостик, вроде поросычьего? Давно хотел спросить, да все как-то неловко было, вопрос-то интимный. Но раз нет тебя и меня, а есть «мы», то почему бы и нет?

– Что? – впервые за все время вижу Стеллу настолько ошарашенной. Врасплох я ее застал. Ничего, пусть привыкает. От меня можно ожидать чего угодно, и это ей стоит усвоить накрепко.

– Просто если «да», то ты, пожалуй, на какие-то более тесные отношения не рассчитывай, – продолжил я, с удовольствием глядя в ее расширяющиеся сверх пределов, установленных природой, глаза. – Я в этих вопросах экзотику не сильно люблю, поскольку традиционен в своих предпочтениях. Баба с хвостом, пусть даже и ведьма, – это чересчур.

– Идиот! – прошипела Стелла, щелкнула замком клатча, достала оттуда пятитысячную купюру, плюнула на нее и припечатала к стене. – Это тебе за бой посуды!

Ух как она дверью грохнула! Чуть вешалка на меня не упала!

И чего такого я спросил? После сериала «Гоголь» все знают, что у ведьм сзади хвост есть, даже те, кто самого Николая Васильевича не читал.

Ладно, шутки шутками, а ехать с ней придется. К кому – понятно, тут особо гадать не приходится. Госпожа Марфа меня увидев пожелала, руководительница ее ковена. Не иначе как испытывает желание поиметь свой кусочек пирога, стоящего на общем столе и носящего название «Хранитель кладов». А то вон старый хрыч Шлюндт его кушает, вурдалаки тоже, и только бедненькие, несчастненькие ведьмы в пиршестве не участвуют, хотя вроде бы первыми к столу стул придвинули.

Вот только шиш ей. Я всегда блюду условия сделки, а новые участники соглашения в ней не предусмотрены. Но подать данную новость ей следует относительно тактично, это в моих интересах. Я слышал голос предводительницы ковена, и даже не будучи психологом могу сказать, что это дама суровая, властная и с очень непростым характером. Проще говоря, если сильно такую разозлить, ничего хорошего из этого не выйдет. Для меня лично, имеется в виду. Она запросто может сказать что-то вроде «так не доставайся же ты никому», и мне попросту глотку перережут при первом же удобном случае. Или отравят. Воронежской подобное сотворить нельзя, но на остальных ведьм запрет Полоза не распространяется.

Кстати, Стелла это тоже наверняка понимает, потому за ней в гостях у Марфы надо наблюдать максимально внимательно. Уверен, что свои попытки угробить меня чужими руками она не оставит, в чем в чем, а в этом у меня сомнений никаких нет, и данный факт меня очень беспокоит. Когда женщина просто стерва, это тяжело, но терпимо. А вот когда она к тому же еще и умна – это беда для любого, кто встанет на ее пути. У меня как раз такая ситуация, и это не есть хорошо.

Впрочем, имеется у меня одна идейка, которая ситуацию может немного выправить. В мою сторону, разумеется.

А вот вам, тетя Жанна, придется подождать до завтра. Сразу в два места я, увы, не успею попасть. Не знаю, куда именно мы поедем вечером, но сомневаюсь, что в Петрово-Среднее. Жалко, конечно, что жареный гусь пролетает мимо меня, как фанера над Парижем, но ничего не поделаешь. Авось они его всего не съедят, что-то мне на завтра останется, он и разогретый будет дивно вкусен. Чем-чем, а своей кухней дом Певцовых славился всегда, это даже мама Сивого признавала, а уж она-то в готовке толк знает.

– Ты бы денежку сжег, Валера, – предложил мне Анисий Фомич, который, как оказалось, уже стоял за моей спиной. – Ведьмины подарки добра сроду никому не несли.

– Ну если бы она ее мне просто так дала, то можно было бы о плохом подумать, – повертел я в руках купюру. – Но здесь ситуация другая.

– Тебе решать, ясное дело, но только послушай ты моего совета, – настойчиво пробубнил подъездный. – Ну да, ты ее не с земли поднял, но ведь и так может быть, что она на нее давно какой поганый заговор накинула да с собой и таскала, чтобы всегда под рукой иметь. Случаи, Валера, они разные бывают.

– Это да. – Я зачем-то понюхал банкноту, она пахла дорогими духами. – А что значит – с земли поднял? Ведьмины деньги, если они не из рук в руки переходят, а на земле лежат, наверняка прокляты?

– Любые деньги поднимать нельзя, – назидательно произнес Анисий Фомич. – А уж лежащие на самом виду – тем более. Кто его знает, откуда они там взялись? Из кармана чьего выпали ненароком, или кто их там нарочно положил?

– А если поподробнее? – попросил я подъездного.

– Так всё не перечислишь, – степенно ответил тот. – Но чаще всего ведьмы да колдуны, из тех, что целительство знают, когда порчу с человека снимают, то ее на денежку покрупнее переводят, а после на дорогу ту и бросают. Человек идет, видит – деньги валяются, сразу их хап – и в карман. А с ними болезнь прихватывает, или, того хуже, проклятие. И потом гадают – отчего у него волос выпадает, глаза не видят, мужская сила пропадает или ребеночек не получается. Так чего ж такому не быть? Ты чужую беду себе забрал, причем доброй волей, теперь она твоей стала.

– Однако, – только и сказал на это я.

– Бывает еще, что молодые да ранние силу свою пытаются, нарочно деньги зачаровывают, а после глядят – получилось задуманное или нет. Опыта так набираются. Потому сожги денежку, пока в карман не убрал, послушай моего совета. До того она вреда не принесет, ты ее своей не признал, а после – все, после только знающий человек поможет.

– Понял, не дурак, – ответил я подъездному, пошел в комнату, скомкал купюру, положил ее в пепельницу и чиркнул зажигалкой. – Был бы дурак – не понял.

Не знаю, прав оказался Анисий Фомич или нет, но вонь от сжигаемых денег пошла редкостная. Впрочем, не исключено, что это как раз нормальное явление. Кто его знает, из чего их делают?

– Ладно, это все лирика, – сообщил я подъездному. – Пошли ваше кольцо искать, что ли? А то мне еще в центр ехать, как выяснилось. Неохота жутко, да еще по такой жаре, только деваться некуда, от подобных приглашений не отказываются.

– Пошли, – с готовностью отозвался тот. – Михейку кликну – и пошли.

– Только вот что. – Я почесал затылок. – Подвал же небось закрыт? Причем наверняка на большой висячий замок. Вскрывать их я не обучен, да и с законом мне связываться неохота.

– Это все ерунда, – замахал руками и даже бородой Анисий Фомич. – Ты к тому входу, что с правого торца дома, подходи минут через пять, двери открыты будут.

А они ребята не промах. Видел я председательницу нашего ТСЖ пару раз, это такая лютая тетка, что даже мне не по себе рядом с ней становилось, хоть вроде я ни в чем и не виноват. Предположить, что кто-то из техников или слесарей вот так запросто расстанется с ключами, в данном случае невозможно, но факт есть факт – дверь в подвал и вправду была открыта.

Анисий Фомич обнаружился внутри, рядом с ним стоял, надо полагать, тот самый Михейка. Кстати, стало понятно, почему его именно так мой приятель называет. Дело оказалось в возрасте. Молод был по меркам Анисия Фомича его коллега, не имелось в нем еще достойной основательности, да и борода подкачала. Это даже не борода была, а так, легкая растительность.

Впрочем, представился мне этот товарищ все равно как Михей Петрович, и я решил, что так его и стану называть. Ни к чему бить подростку по самолюбию. Тем более что данная молодость, подозреваю, мне лично покажется глубокой старостью. Ему же лет сто-сто пятьдесят, не меньше.

– Еще раз предупреждаю – гарантий не даю, – сообщил я подъездным. – Кабы это кольцо кто зарыл или в стену законопатил – тогда да. А «потеряшку» искать куда сложнее.

– Мне без него хоть к себе не возвращайся, – печально вздохнул Михай Петрович. – Совесть заест.

– Врет, – заявил Анисий Фомич. – Дед Филат его затюкает, вот что. Он про эту историю в курсе, если не поможешь, то Михайке придется с кем-то из наших меняться домами. У нас парню жизни не будет, это уж точно!

– Поговори мне еще, – закричал кто-то сверху, на меня посыпалась то ли известка, то ли слежавшаяся пыль, а через секунду я увидел еще одного подъездного, на этот раз, правда, старого, как не знаю кто. Был он сед и внешне благообразен, несмотря на подозрительно красный нос, формой напоминающий грушу.

– Филат Евстигнеевич я, – сообщил пришелец мне. – Не начинали ишшо?

– Пока нет. – Я развязал горловину чехла, в котором находился металлоискатель. Мне его завез Антон еще на той неделе, поскольку я сам данный прибор все никак из машины Шлюндта забрать не мог, так он и катался в багажнике. Удачно получилось, кстати. Если бы бывший охранник Карла Августовича не был настолько любезен, пришлось бы мне подарок Сивого потом из полиции вызволять. – Как можно? Так, уважаемые, пока я собираю инструмент, проясните мне один момент.

– Какой такой инструмент? – удивился старейшина. – Ты же Хранитель кладов, тебе золото-серебро нутром чуять положено.

– Положено, – не стал с ним спорить я. – Но сначала все же пустим в ход технику, дабы не нарушать энтропию Вселенной.

– Чего не нарушать? – глянул суровый предводитель подъездных на Анисия Фомича.

– Зазря магию свою в ход пускать не хочет, – нашелся мой подъездный. – Чтобы, значит, кто чего не учуял. Сами знаете, какие у него гости бывают, вот он и не желает пущую беду на дом накликать.

– Вежественно да разумно, – одобрил Филат Евстигнеевич. – Достоин похвалы!

– Так что с котом? – еле удержался от улыбки я, доставая среднюю катушку и закрепляя ее на металлоискателе. – Как перстень из квартиры в подвал-то попал?

– Вражду ю я с этой тварью, – печально сообщил мне Михейка. – Он умный, паскуда, оказался, недаром из чужих земель родом. Слово даю – что-то с ним не так, он смотрит ровно человек, и поступает так же!

– Кой раз говорю тебе, полено ты сучковатое, – ни кошки, ни собаки разума не имеют, – отвесил рассказчику подзатыльник старейшина. – Они запомнить чего-то могут, но думать им не дано.

– А этот – думает, гад такой, – потер ударенное место подъездный. – Иначе чего бы тогда такой номер выкинул? Он же нужного момента дождался, перстень показал и начал меня по квартире гонять, потому как знал, что при эдакой оказии за ним наверняка бегать стану. После, как я его почти поймал, он шасть в окно, прямо на ветку, и к подвалу побежал. Я за ним, но через дом, мне по дереву никак. Пока добежал – эта тварюга уже обратно идет. И улыбается, сволочь! Ехидно так!

– Коты не улыбаются! – возмутился Филат Евстигнеевич. – Не бывает такого!

– Улыбаются, – возразил я ему, включая прибор. – В Англии, например. Я про это в книжке читал.

– То в Англии, – отмахнулся старейшина. – Они там все малахольные, с них станется. Насмотрелся я на их нравы, когда в Архангельске жил, они к нам постоянно плыли за товаром. Все рыжие, с самого утра пьяные, вечно орут, и жадные до невозможности. У таких не то что коты – комары улыбаться начнут.

– Еще вопрос. А какое дело Михею Петровичу до того, что там с кольцом случилось? – решил окончательно расставить все точки над «і» я. – Ну пропало и пропало. Бывает.

– Не можно так, – в один голос произнесла троица. – Не можно!

– Нам хозяйский скарб доверен, мы следить за ним должны, – добавил Анисий Фомич. – Сами они хоть чего с ним делать могут, но ежели кто чужой влезет, то мешать обязаны как можем. Шум поднять, напугать, еще чего сотворить, но не дать им добро вынести. Правда, лиходеи народ особый, их ничем не напугаешь, но иногда получается укорот дать.

– А тут – кошка! – шмыгнул носом Михейка. – Гад мохнатый! Он меня с того момента невзлюбил, как в первый раз увидел!

– Нишкни, – велел ему Филат Евстигнеевич. – Дурь твою слушать мочи больше нет!

Зря он так. Я вот тоже много во что не верил, а оно оказалось правдой. Может, прав Михейка, не все с этим котом ладно и чисто.

Я выставил на металлоискателе поиск золота и неторопливо зашагал по подвалу, водя им влево-вправо и внимательно следя, чтобы не врезаться головой в трубу. Кстати, больше всего опасался, что оглохну от фона металла, который тут везде. Но нет, машинка хоть и не новая, но работает на славу, трубный чугуний не распознает. Ну или из чего их делают?

Первый сигнал я услышал через пару минут, причем очень отчетливый, он шел из угла, в который катушка прошла, а вот мне было не пролезть. Впрочем, не странно, что сигнал именно такой – тут земли нет, копать не надо.

Михейка ужом ввернулся под трубы, чем-то там прошуршал, громыхнул и вернулся обратно, держа в лапке золотую цепочку с какой-то висюлькой.

– В старой крысиной норе лежала, – пояснил он нам. – Видать, давно, вон грязная какая!

– Давай сюда, – велел старейшина. – Потом решим, что с ней делать.

За последующие пятнадцать минут я отыскал обручальное кольцо, лежащее у одной из стен, крестик на серебряной цепочке, одну совсем уж дешевенькую сережку и половинку браслета от дамских часов. Интересно, тут вообще хоть кто-то когда-то убирался? Те же останки часов вообще чуть ли не на виду

лежали.

А нужного нам предмета не было.

– Может, он его на дереве припрятал? – осторожно полюбопытствовал я у окончательно поникшего Михейки. – Так сказать – выдал желаемое за действительное?

– Не, – помотал головой тот. – Точно здесь.

Ну тогда я не знаю. Я честно попробовал помочь, но увы, увы... Не слышу я его. Ни так, ни эдак. Разве что...

Я приподнял металлоискатель вверх, на уровень труб, тянувшихся практически у самого приземистого потолка.

– Вариант, – одобрил Анисий Фомич. – И то – чего ему по углам шастать? А трубы – самое то.

И мы оба оказались правы! Нашлась пропажа, кстати, довольно-таки неприглядно выглядящая и не сильно похожая на ценность «еще позатого века», как это было озвучено изначально. Я на настоящие старые работы за последнее время насмотрелся, уже могу одно от другого отличить. Это, скорее, неплохая имитация, но не более того. Впрочем, может, я и ошибаюсь, переоценивая себя как эксперта.

– Живи, – разрешил Михейке Филат Евстигнеевич. – Да помни мою доброту и помощь Валерия. Должен ты теперь нам обоим.

Счастливый подъездный в пояс поклонился сначала ему, а потом мне.

– Держи, – протянул мне руку, в которой лежало найденное золото, старейшина. – Ты нашел, тебе владеть.

– Да ну, – отмахнулся я. – Вот еще... Вы лучше его положите в общую казну вашего общества.

– Нет у нас такой, – озадачился Филат Евстигнеевич.

– А вы ее учредите, – посоветовал я ему. – Пусть будет. Если есть желание, можете назвать ее «Фонд Швецова». Ладно, мне пора, надо душ принять после этой пылюки, да потихоньку собираться. Пока доеду, пока дойду... Общий привет!

Глава третья

Все-таки летняя Москва – это что-то особенное. Лично я по дороге раз пять пожалел, что согласился на эту поездку и покинул относительно прохладную квартиру. Подземный ад метро, схожий с тем, который описывал Данте, и последующая прогулка по улице выжали из меня все соки, потому в шаурмячную я пожаловал не в самом лучшем настроении.

Что любопытно – она была не пуста. За одним из столиков сидел огромный чернобородый дядька, жадно пожиравший не очень хорошо прожаренное мясо. Меня чуть не замутило от вида того, как с гигантского куска, который он держал в руках, каплет багрового цвета сок. Бородач отрывал от него огромные куски и глотал их практически не жуя.

Неподалеку от обжоры расположились две молоденькие девчонки, блондинка и брюнетка, одетые по сезону и возрасту, то есть более чем легкомысленно. Ну а что? Молоденькие, веселые, симпатичные, хихикают не переставая, как им и положено. Глаз радуется, на них глядячи.

Ну и в самом дальнем углу шаурмячной обосновался какой-то мужчина, но его я толком и не рассматривал. Человек как человек, сидит, в планшете что-то смотрит, кофе пьет, обычное дело. А я вот сейчас кружечку холодненького светлого пивка хлопну, а то и две. Ароматного, с горчинкой, и обязательно в запотевшей стеклянной кружке, такой, чтобы по ней капельки сползали. Тут тенек, идти никуда не надо, так что эффекта парной можно не бояться.

Аджин заприметил меня, развел руки в стороны, как бы собираясь заключить в объятия, и что-то бессвязно загуркотал.

– Тоже рад тебя видеть, Абрагим, – отозвался я, сцепил руки в «замок», и помахал ими над головой. – Ты звал – я пришел.

Обниматься мне с ним точно не хотелось, и так жара невозможная. И потом я не забыл, как он в прошлый раз меня разыграл, притворившись красоткой-пэри из восточных сказок.

То ли аджин умел читать мысли, то ли настолько наострился в своей профессии, что даже говорить ему ничего не пришлось, но он вышел из своей будки с двумя кружками пива, в аккурат такими, какими я их себе представлял, и бодрым шагом потопал как раз к тому столику, где сидел господин с планшетом. Я последовал за ним, прекрасно понимая, что в этом заведении владелец решает, кому и с кем сидеть.

Абрагим поставил кружки и указал мне на стул, что-то при этом проворчав. Я поблагодарил его, уселся за стол, вцепился в один из бокалов и припал к нему ртом, еле удерживаясь от того, чтобы не замычать от удовольствия.

– Добрый день, – мягко произнес мужчина, откладывая в сторону планшет.

Был он черноволос, черноглаз, высок, плечист и все такое прочее. Короче, нравятся такие, как он, женщинам, причем практически любым, независимо от возраста и семейного положения. Вообще, возникало ощущение, что этот товарищ только что сошел то ли со страниц модного журнала, то ли напрямую из дамского романа, коим нет числа.

– Уфффф, – оторвался я от кружки и вытер мигом выступивший на лбу пот. – Добрый. Хорошо-то как!

– Позвольте представиться, – мужчина протянул мне руку. – Меня зовут Ласло.

Ласло. Побуду немного Капитаном Очевидность – имя однозначно не русское. Да и в речи этого господина ощущается небольшой акцент. Даже не так – он смягчает окончания слов, отчего становится ясно, что наш язык для него все же неродной.

Это откуда же ты такой красивый приехал? И чего тебе от меня надо? Хотя последнее как раз не вызывает никаких сомнений, им всем от меня одного надо. Теперь-то я понимаю вечную озлобленность одной моей приятельницы, которой Господь при рождении отвалил сразу все – и отменную фигуру, и невероятно привлекательную внешность, тем самым исковеркав ей судьбу. Никого не интересовало, что у нее на душе, поскольку практически все знакомые мужского пола желали только одного – затащить ее в постель, дабы доказать всем, что им такое по плечу. Ну а почти все знакомые дамы мечтали, чтобы ей пусто стало, ибо терпеть такую конкуренцию было выше их сил.

Я не являлся исключением, и теперь мне за это стыдно. Крайне неприятно ощущать, что ты как личность стал лишь дополнением к своему таланту. Причем не самым важным дополнением.

Абрагим что-то пробубнил на своем непонятном языке, показывая на Ласло, а после уставился на меня.

– Очень приятно. – Я пожал протянутую руку. – Валера.

– Наш общий друг спрашивает – вы кушать будете? – улыбнувшись, произнес мужчина.

– Даже не знаю, – признался я и сделал еще один богатырский глоток из кружки, практически осушив ее. – В такую жару пить хочется очень, а вот есть как-то не тянет. Разве что орешков соленых можно. Они с пивком хорошо идут.

Ласло, не переставая улыбаться, что-то сказал аджину, тот понятливо кивнул и устремился к своей будке.

Все интереснее и интереснее. С чего бы это Абрагиму, который является существом на редкость самолюбивым и независимым, подобное радушие оказывать этому господину? На какой крючок тот подцепил порождение песков далекого и таинственного Востока?

– Я мадьяр, – внезапно произнес Ласло. – Вы все равно зададите мне этот вопрос, Валерий, потому тянуть с ответом не считаю нужным. Что же до Абрагима – мы давно дружны, я помню его с детства. Он хорошо знал моего отца и даже был кое-чем ему обязан, потому с радостью помогает мне. Аджины постоянны в

своих убеждениях, в отличие от людей. Для нас смерть того, кому мы должны, чаще всего является поводом для списания этого самого долга. Нет человека – нет обязательств. Для его племени смерть является только началом пути, потому уход моего отца для Абрагима ничего не изменил, и он, к моей великой радости, согласился мне помочь.

Мадьяр – это, вроде, венгр. Но они сами себя венграми никогда не называют, мне про это что-то мама в детстве рассказывала, у нее подруга юности из тех краев была.

– Помочь – это познакомить со мной? – уточнил я. – Верно?

– Абсолютно, – подтвердил мадьяр. – Хотя это, если можно так сказать, верхушка айсберга. Началось все с того, что он сообщил мне о вашем существовании, чем невероятно порадовал. Хранители Кладов, как правило, люди довольно замкнутые, не стремящиеся к публичности и предпочитающие уединенный образ жизни, потому их очень трудно отыскать и еще сложнее склонить к беседе. Мне довелось пообщаться с тремя вашими коллегами, причем с двумя исключительно по телефону. Скажу честно, на их фоне вы весельчак и гуляка.

А вот это уже интересно. Я бы, кстати, тоже не отказался с этой троицей поболтать, причем количество тем для разговоров было бы огромным. Может, попросить у него телефоны собратьев по цеху? Созвонюсь с ними, предложу устроить небольшой корпоративчик. Почему бы и нет?

– Все три разговора закончились ничем, – продолжал тем временем вещать Ласло. – Один Хранитель бросил трубку почти сразу, второй сначала выслушал меня, и только потом сделал то же, что и его коллега.

– А третий? – с интересом поторопил его я. – Тот, с которым вы общались очно?

– Он оказался мошенником, – усмехнулся мадьяр. – Представьте себе. Этот тип просто хотел меня надуть.

– И что дальше?

– Что хотел – то получил, – рассмеялся Ласло. – Ну, может, не совсем, разумеется, но близкое к тому.

– Вы не похожи на человека, которого можно вот так запросто надуть, – заметил я.

– Верно, – кивнул мой собеседник. – Я человек, который сам может надуть кого угодно. Например, наглого проходимца, причем в буквальном смысле. Непонятно? Он надулся, как воздушный шар, а после лопнул.

Нет, понять его слова я понял. Просто не очень хорошо представляю, как это возможно, скажем так, практически. Одно дело, когда такое происходит в фильме про Гарри Поттера, но когда в жизни...

Ласло с очаровательной улыбкой показал мне ладонь правой руки, после провел над ней левой, и на той появился маленький человечек с седой бородой и в пестром канареечном пиджаке, сидящий на стуле. Секундой позже он начал раздуваться как лягушка, которую надувают через соломинку, вставленную в задницу, а после с еле слышным хлопком лопнул, превратившись в облачко ярких искорок.

– Вот как-то так, – пояснил мадьяр. – Поверьте, Валерий, я очень миролюбивый человек. Это на самом деле так, меня не прельщают власть и то могущество, что она предоставляет, мне ближе тихие радости бытия вроде книг, цветущего сада и общества любимой женщины. Но я не терплю тех, кто пытается меня обмануть или убить. К таким людям я безжалостен.

– У меня ничего такого в мыслях нет, – сразу сообщил ему я. – Слушайте, это было здорово, никогда подобного не видел. Так вы, выходит, маг?

– Магов не существует, – мягко заметил Ласло. – Они довольно давно перестали быть. Или как это правильно? Ну вы меня поняли. Последние из истинных, природных магов дотянули до конца восемнадцатого века, насколько я знаю, но и только. Бальзамо, Сен-Жермен, ну, может, еще Фламель, которого по рассказам вроде как видели в Париже в самый разгар революции. Он то ли там тихонько жил все это время, то ли прибыл для спасения кого-то из своих друзей-аристократов, уж не знаю, что тут верно. Впрочем, как непонятно и то, насколько это правда. Но после их ухода об истинных магах более никто не

слышал, и это неудивительно.

– Почему? – Мне было неподдельно интересно общаться с этим человеком. Он много знал и не скупясь отсыпал мне знания в обе руки, причем без насмешливого покровительства, которое периодически мелькало у того же Шлюндта. Он разговаривал со мной на равных, и это подкупало.

– Времена изменились, – отозвался Ласло. – Подлинная магия хороша тогда, когда в нее верят и когда она является последним аргументом в споре. Последним и самым главным. Это не мои слова, это изречение Мерлина, а он был величайшим из великих. А в девятнадцатом веке все стал решать прогресс, пришло время пара, электричества и огнестрельного оружия. Именно прогресс стал тем последним гвоздем, который вбили в гроб истинной магии, и с тех пор мы, дети Ночи, больше никогда не являлись первыми скрипками в оркестре жизни. Мы ушли в тень и живем в ней, обходясь иллюзиями и кое-какими остатками древних знаний.

– Красиво сказано, – произнес я, причем иронии в моем голосе не имелось ни капли.

– Скорее – печально. – Ласло побарабанил пальцами по столу. – Когда уходят знания – это всегда плохо. Мне подвластно многое, это так, но по сравнению с моим же собственным отцом я все тот же мальчишка-дилетант. Ну а если сравнивать с прапрадедом, так и вовсе лилипут. Как у Свифта, помните?

Тем временем к нам снова присоединился Абрагим, который поставил передо мной бумажную тарелочку с арахисом, на котором поблескивали крупинки соли, после достал из одного кармана бело-грязного передника бутылку водки, а из другого уже знакомую мне медную чашку.

– Я не буду, – сообщил ему Ласло. – Не люблю спиртное.

Аджин весело хохотнул, плюхнулся на стул, пророкотал очередную неразборчивую фразу и свернул крышку бутылки.

– Абрагим, мне кажется, или эти две юные красавицы проявляют к нашей компании чрезмерный интерес? – вдруг тихонько спросил мадьяр у хозяина шаурмячной. – Разумеется, я могу ошибаться, но у меня складывается

впечатление, что они сродни нашим бабакам. Вернее, они в самом начале этого пути, тьма внутри них пока слаба, но, полагаю, свой выбор они уже сделали.

– Сродни кому? – не удержался я от улыбки. Просто слово больно забавное. Бабаки. Почти бабайки – коренные обитатели платяных шкафов, стоящих в детских спальнях.

– По-вашему это... – Мадьяр пощелкал пальцами. – Ведьмы. Вот, все никак слово вспомнить не мог.

– А? – рыкнул аджин, с лица которого мигом пропало благостное выражение, и резко развернулся.

Надо же, а я даже внимания никакого не уделил тому, что две юные красотки, сидящие за нами, затеяли фоткать друг друга на телефон. Да, собственно, чего в этом удивительного, сейчас все этим занимаются, причем независимо от возраста. А этим двум милашкам вообще сам бог велел, для них инстаграм – дом родной. Вот только в фокус, похоже, попадают не они сами, а наша маленькая компания.

– Ы-ых! – недовольно рыкнул аджин, и девушки дружно взвизгнули, причем каждая по своей причине. Одна от того, что глянула в лицо шаурмячника, вторая от боли. Когда телефон в твоей руке начинает плавиться от жара – это всегда приносит дискомфорт.

Ножки пластикового кресла скрежетнули по плитке пола, аджин поднялся на ноги, девчонки затихли и испуганно глазели на него.

– Так их! – подал голос бородач, наконец доевший свой шмат мяса и теперь облизывающий пальцы. – Терпеть ведьмячье племя не могу!

– Вы чего, дяденька? – захлопала глазами одна из ведьм. – Мы просто для ленты... Для поста! У вас тут все так вкусненько, необычненько! Мы же ничего такого!

Аджин сделал пару шагов вперед, приблизившись к побледневшим девчонкам, а после провел рукой по их лицам.

– А-ха-а-а! – мигом среагировал бородач. – Во, правильно! Ай, молодца!

Что он имел в виду, я понял после того, как массивная фигура аджина перестала загораживать мне обзор. И это впечатляло.

Куда девались миленькие юные и свежие мордашки, не отягощенные косметикой? Передо мной стояли на редкость жуткие морщинистые образины, с кривыми носами, безгубыми ртами и с глазами, лишенными век.

– Фу, – поморщился Ласло. – На мой взгляд, это перебор. Есть же более гуманные способы!

А после грянул двухголосый девичий визг, такой, что у меня уши заложило. Ведьмочки, взглянув друг на друга, мигом осознали, что произошло, и тут же начали ощупывать свои лица, в надежде на то, что беда коснулась только подруги, следом убеждались, что это не так, и повышали тональность воя.

– Любо, – снова подал голос бородач. – Ох, любо! Они только паскудничать сильны. Поделом им!

Абрагим опять что-то пророкотал, нависнув как скала над заходящимися в вое девчонками.

– Не понимаю я вас! – провыла одна из них, глянула в зеркальце, извлеченное из сумки, а после бухнулась на колени перед шаурмячником. – А-а-а-а! Не надо! Не надо-о-о-о! Мне же теперь только в петлю, с такой-то рожей! Верните все обратно, верните! Я отслужу, я всё... Я всегда... Хоть когда...

Абрагим повернулся, и меня тоже ощутило передернуло. Глаза аджина полыхали багровым огнем, лицо его стало чем-то похоже на древнюю маску демона, которую я как-то видел в одном из музеев. Мама меня всегда по ним таскала, когда мы с ней в детстве летом колесили по Европам.

Он коротко что-то мне бросил, а после показал на ведьму.

– Тоже не понимаю, – вздохнул я и посмотрел на Ласло.

Абрагим нахмурился, отчего стал совсем уж жутко выглядеть, подошел к столу, плеснул в медную чашу водки, провел над ней ладонью, отчего жидкость на секунду закипела, чудом не воспламенившись, а после сунул ее мне.

Вот ведь. И не знаешь, то ли пить, то ли нет. Я в последнее время к подобным вещам стал относиться очень осторожно, никогда не знаешь, чем подобное может кончиться.

– Пей, – посоветовал мне мадьяр, верно истолковавший заминку. – Абрагим не желает тебе вреда, поверь. Если бы он хотел тебя убить, то сделал бы это куда проще, кому-кому, а мне это отлично известно.

Я задержал дыхание и выплеснул водку в рот. В виски мягко стукнуло, в голове зашумело, и даже неумолчный вой молоденьких ведьмочек на секунду стих.

– Спроси, кто их старшая, – прорычал Абрагим, и на этот раз его слова были мне понятны.

– Ух ты, – произнес я, уставившись на него. – Это что, любой язык так изучить можно?

– Нет, – буркнул аджин. – Только мою речь понимать сможешь. Делай что я сказал, человек.

Не знаю отчего, но спорить с ним мне не хотелось, потому я поднялся на ноги и подошел к всхлипывающим девчонкам.

– Влипли вы, подружки, – сообщил я им. – Капитально. Этого дядьку злить не стоило. Ладно, первый вопрос – вы чьих будете? Какого ковена?

– Перовского, – быстро ответила та, что фотографировала. – Лизавета у нас верховная. Лизавета!

– Врет, – подал голос Ласло. – Слишком быстро ответила. Но понять ее могу, верность семье – это святое.

– Они ведьмы, – фыркнул я. – О чем ты говоришь? У них верность только самой себе в чести. Думаю, она верховную свою просто боится, причем настолько, что легче уродиной остаться, чем ее слить.

Аджин, похоже, уловил смысл нашего разговора, нехорошо оскалился, махнул своей лапицей, и девицы заорали куда громче, чем раньше. Оно и понятно – когда волосы прядями начинают опадать на пол, это очень страшно.

– Ух! – бородач даже вперед подался. – Это я удачно зашел! И мясо отличное, и зрелище сердце радует! А давайте им еще сиськи до колен оттянем!

Абрагим снова гукнул, и я сразу же перевел то, что он спросил:

– Кто?

– Маа-арфа-а-а-а! – на одной ноте провыла ведьма, собирая с пола свои волосы, ранее черные, а теперь седые. – Маа-а-арфа-а-а! А-а-а-а!

– Марфа, – злобно засопел аджин. – Я знаю это имя. Я знаю эту женщину. И не забуду того, что она посмела нарушить правила. Мои правила!

– Выяснил – и ладно. – Ласло подошел к нам. – Главное – истина, остальное лишь нюансы. Предлагаю вернуться к нашей беседе и не тратить время на подобные мелочи.

– А с ними чего? – уточнил я, глядя на двух девушек, которые какие-то десять минут назад были прекрасны, как майский день, а теперь являли собой жалкое, не сказать, страшное, зрелище. – В этом мире с такими лицами жить нельзя. Либо на опыты сдадут, либо в кунсткамеру определят, в колбу со спиртом.

– Клянусь пнем с ножом – не самая плохая смерть, – хохотнул бородач.

– Служить тебе будем, – вздернулась вверх одна из ведьм, обняв колени аджина, и задрал к нему свое гротескно-уродливое лицо. – Убивать для тебя станем! Луной клянусь! Только верни все, что забрал!

Ласло поморщился и щелкнул пальцами, девушек на секунду окутала туманная дымка.

- Из-э-э-эх! – расстроено ухнул бородач. – Добрый ты, мужик. Зачем удовольствие нарушил?

Ну да, радоваться ему было больше нечему, поскольку ведьмы обрели свой прежний облик, и теперь по новой ощупывали лица и гладили волосы, не веря в то, что все закончилось.

Аджин, надо заметить, тоже было нахмурился, но после махнул рукой и направился к столу, алчно поглядывая на бутылку с водкой. Жар песков в его глазах потух, они снова стали прежними.

- Эй, подруги, – обратился я к парочке, которая сменила плач на смех, тоже, правда, с истеричным подвизгиванием. – Вы поклялись Луной, я слышал. И не думайте, что эта клятва будет забыта.

- Она поклялась, – немедленно заявила та ведьма, что делала фотографии, показав пальцем на свою подругу. – Я вообще молчала. Ее долг, не мой!

- Вот ты сучка! – возмутилась ее подруга. – На меня одну хочешь все повесить?

- Тебя никто за язык не тянул, – зло сверкнула глазами девушка. – Дала клятву – держи. А я....

- Ух! – аджин выплеснул водку в рот. – Хранитель, пусть они уйдут, это в их интересах. И скажи им, что я никогда ничего не забываю.

Он нехорошо зыкнул на ведьм и отправился в свое логово, благоухающее жареным луком и мясом.

- Валите отсюда по-хорошему, – посоветовал я девушкам. – Если не желаете второй серии фильма ужасов.

- Нас уже нет, – с готовностью отозвалась одна из них. – Подруга, уходим.

– Расплатиться не забудьте, – велел им Ласло, с улыбкой глядя на эту парочку. – Вы же ели, пили, верно?

– Ага, – ведьма извлекла из сумочки тысячную купюру, положила на стол, а после, подумав секунду, даже подсунула ее под прибитую к столу пепельницу, чтобы ветер не унес. – Сдачи не надо! И – спасибо непосредственно тебе, красавчик. Слово даю – не забуду этого добра.

Речь шла не обо мне. О Ласло.

– Стоять, – негромко велел я, когда ведьмы почти вышли из заведения, и они послушно выполнили мой приказ. – Последний вопрос. Вас же не Марфа послала, верно? Это была просьба Воронежской?

Я был уверен, что да. Как только мне стало ясно, чем именно эти двое занимаются, то у меня и тени сомнений не возникло по этому поводу. Ну в самом деле – на кой Марфе заниматься такой мелочовкой? А вот Стелле как всегда надо знать все.

– Впервые слышу эту фамилию, – прошебетала одна из них.

Вторая, та, что теперь ходила в должниках у аджина, промолчала, но я успел уловить совсем короткий подтверждающий кивок.

– Ну нет и нет, – развел руки в стороны я. – Тогда – пока. Брысь отсюда!

И, поддерживая меня, взревел мужик за столом, причем настолько громко и страшно, что я даже подскочил на месте от неожиданности. А Ласло, надо заметить, только расхохотался.

Девушки пискнули, глянули на нас и припустили вниз по улице, сверкая круглыми коленками и размахивая сумочками.

– Потеха! – пробасил бородач, почесав себя под мышкой крепкими ногтями. – Спасибо, мужики, славно посидел!

Он припечатал к столу пятитысячную купюру и тоже направился к выходу, попутно потрепав меня по плечу.

- Оборотень, - сообщил мне мадьяр, когда я присоединился к нему. - Medve. Это по-вашему...

- Медведь, - хмыкнул я и отпил пива. - Что? Трудно не догадаться.

- Мне по душе их племя. - Ласло достал из кармана легких брюк портсигар, в котором обнаружили тонкие сигареты. - Оборотни грубы и прямые, это так, но зато всегда держат свое слово, причем независимо от того, кому оно было дано - другу или врагу. И всегда платят по счетам, что в наше время не меньшая редкость.

- В отличии от бабаек, - поддержал его я.

- Бабак, - поправил меня мадьяр. - Эти девушки станут именно ими, их души уже отданы Ночи, сего не изменишь. У них был выбор, кем стать - тюндерекой или бабакой, они его сделали.

- Много незнакомых слов - пожаловался я.

- В каждой женщине обитает непознанное. - Ласло щелкнул зажигалкой, затянулся сигаретой и выпустил ароматный дымок. - Но не каждая из них готова жить под Луной. Те, что решаются на это, имеют право выбрать, кем стать - тюндерекой, доброй знахаркой, помогающей людям, или бабакой, той, что несет в мир зло. По сути, это стороны одной монеты, но различие, согласись, есть.

- И еще какое.

- Но они все равно остаются людьми, - продолжил мадьяр. - Хорошими, плохими - но людьми. Потому я и проявил снисходительность, глядя на их мучения. А вот будь они босорками, то еще бы и от себя что-нибудь к чарам Абрагима добавил.

- А это кто такие? - жадно спросил я.

– Босорки очень плохие, – покачал головой Ласло. – Очень. В них человеческого не осталось, выжгли они его из себя. Для них чужие страдания как пища, они боль и страх пьют как вино. Да и кровью не брезгают, если выдается возможность ее хлебнуть. Босорки – они... Как это... Живые мертвецы. Тело живое, а душа мертвая.

Однако, весело у них там, в Венгрии. Нет, наши ведьмы все же получше будут. Стервы – это да. Но чтобы кровь пить? Хотя... Кто ее, Вороньцкую, знает?

Но вообще – интересно получается. В каждой избушке свои погремушки, в каждой стране свои национальные особенности. Мир Ночи, похоже, далек от космополитизма, и это хорошо.

Тем временем к нам снова присоединился Абрагим, принесший несколько кружек пива и собравший по дороге деньги со столиков.

– Марфа, – проворчал он, плеснув себе водки. – У, я ей!

– Денек не подождешь? – попросил я его. – Давай ты завтра ей, а не сегодня?

– Зачем? – уставился на меня аджин. – Почему не сегодня?

– Хочу немного поразвлечься, – растянул губы в улыбке я. – У меня как раз с ней сегодня встреча, и эти двое – хороший аргумент для того, чтобы верховная ведьма стала чуть сговорчивей. Ты свое все равно не упустишь, а мне польза может быть.

Ну я немного приврал, разумеется, но ведь для пользы дела. Пора кое-кому дать хорошего пинка под зад, ибо надоело.

– Хорошо, – буркнул Абрагим. – Но тогда ты поможешь сыну моего друга.

– Не надо, – попросил его Ласло. – Так не надо. Я все расскажу, а Хранитель примет решение. Сам примет. Для меня это важно.

– Хорошо. – Аджин хлебнул водки, и довольно отрыгнул небольшой язык пламени. – Тебе жить.

– Минуту кучу подробностей, мы сразу можем перейти к главному, – предложил я. – Надо отыскать клад.

– Надо, – кивнул Ласло. – Очень надо.

– Магьярия далеко, – заметил я. – Да и потом...

– Не надо ехать в Магьярию, – перебил меня Ласло. – Клад здесь, в России. И в этом я вижу руку судьбы, она наконец-то повернулась к нашей семье лицом. Когда Абрагим позвонил мне и сказал, что здесь, в Москве, объявился Хранитель кладов, то я сначала ему даже не поверил. Не может быть таких совпадений. Потом обрадовался, но сначала не поверил.

– В этом мире все случается, – проорчал Абрагим. – Даже то, что кажется невозможным.

– Тогда все становится проще. – Я тоже достал сигареты. – Продолжай.

– Это богатый клад, – помолчав, произнес магьяр. – Очень богатый. Тот, кто спрятал его, знал толк в золоте и камнях, он собрал много дорогих и редких вещей, причем некоторые из них очень, очень стары. Они все будут твои, такова плата за услугу, которую ты мне окажешь. Все, кроме двух – амулета в виде солнца и кольца с рубином. Они мои по праву. Эти предметы были украдены у моей семьи, и пока они в нее не вернутся, беды будут ходить за нами следом.

– Он не врет, – заметил аджин. – Ручаюсь за это. Ты получишь то, что он обещает, если поможешь ему. А мое слово нерушимо.

– Куш хороший, – признал я. – Но явно есть подвох, и, прежде чем я соглашусь, мне хотелось бы знать, в чем он.

– Тот, кто спрятал этот клад, был моим дядей, – помрачнел Ласло. – Наша семья насчитывает много поколений, и почти все в ней всегда служили Иштену, подателю света и тепла. Почему «почти»? Потому что иногда в ней находились те, кто отдавал свое предпочтение Эрдёгу, который противостоит Иштену. У вас это называется «бог» и «дьявол». Мой отец, как и его отец, выбрал свет, а вот дядя предпочел другой путь. Золото и власть для него значили больше, чем все

остальное. Кончилось это скверно, настолько, что ему пришлось бежать из страны, и, убегая, он прихватил ценности, переходящие в нашей семье от отца к сыну с начала времен.

- Прямо вот так? - удивился я. - С начала времен?

- Именно, - очень серьезно подтвердил мадьяр. - Я не скажу, сколько именно веков этим предметам, но что они старше Рима - поручусь.

- Лихо, - признал я. - Продолжай. Что было дальше?

- Его искал мой брат, Лукан, - выполнил мою просьбу Ласло. - Он умеет это делать. В нашем роду у главы всегда рождается два сына и одна дочь, ни больше ни меньше. Старший всегда имеет в покровителях добрую и светлую Иштенанью, младший же получает в заступники Хадура, любящего тех, кто носит на боку меч. Ну или пистолет, если говорить о дне сегодняшнем. Для понимания - я старший сын.

- Понятно, - кивнул я. - А дочь? Она кому достается?

- Шелло, владычице вод, - охотно ответил Ласло. - Маргит научилась плавать раньше, чем говорить.

- Надо же. Выходит, у вас там до сих пор язычество в ходу?

- Не совсем так. - Мадьяр затушил сигарету. - Христианство - наша вера. Но мы не забываем и о тех, кто правил Землей до прихода Белого Бога. Вера хороша тогда, когда веруешь, иначе какой в ней смысл? Ну и потом, наша семья стоит между Днем и Ночью, как, кстати, и ты, потому одно другому не противоречит.

- Ясно. - Я решил не лезть в теософские дебри. - Так что дядюшка?

- Лукан нашел его, - ответил мадьяр. - Не сразу, но нашел. Это случилось тут, в России, недалеко от Москвы. Предатель рода получил по заслугам, но реликвий при нем не оказалось, он их спрятал. Увы, мой брат перестарался, когда признавал подробности, и в результате теперь я знаю довольно точное местонахождение клада, но добраться до него не могу.

– Почему? – удивился я. – Ну да, если площадь большая, времени может уйти немало, но и только. Металлоискатель в зубы – и вперед.

– Напомню, что он был моим дядей, – тонко улыбнулся мадьяр. – И знал все то же, что и остальные в нашей семье, а кое в каких материях разбирался даже лучше.

– Колдун его дядя был, – пояснил Абрагим, верно истолковав мое молчание. – Черный. Не иначе как навел на клад чары, которые глаза отводят. Да и другие разные наверняка.

– Верно, – подтвердил Ласло. – Я не могу его найти, и никто из моей семьи – тоже. Это под силу только тому, кого спрятанные сокровища почитают за властелина, то есть – тебе. Теперь ты знаешь все, Валерий, и я жду твоего ответа.

Глава четвертая

Легко сказать – жду твоего ответа. Для Ласло все просто и понятно – есть место, где лежит добро семьи, надо пойти и взять его. А вот мне куда сложнее, очень уж много «за» и «против».

– Надо помочь, – пробурчал аджин. – Слышишь, Хранитель?

– Не торопи его, Абрагим, – попросил мадьяр. – Пусть подумает. Это серьезное решение, потому что дело непростое.

– Именно, – вздохнул я. – Дядюшка твой, поди, ведь не только спрятал добро в землю, он ведь еще наверняка и ловушек там понаставил.

– Наверняка, – подтвердил Ласло. – Ни на секунду в этом не сомневаюсь. Но они – моя забота. Главное, чтобы ты не молчал, говорил, что видишь и чувствуешь, а там, глядишь, вместе разберемся что к чему. Нас с ним учили одни и те же люди.

– Не одни, – поправил его аджин, наливая себе водки.

– Ну почти одни и те же, – поправился мадьяр. – Верно, черные знания ему дал отшельник Греггош, с ними я не знаком. Но, думаю, я справлюсь с этой задачей.

– Звучит оптимистично, – не удержался от колкости я.

Непростой выбор, скажу честно. Непростой. Чаши условных весов застыли друг напротив друга, поскольку выгода и опасность распределились практически в равных долях. С одной стороны – немалый риск, поскольку покойный родственник Ласло явно был непростым господином. Подозреваю, что приснопамятная лошадка с Минского шоссе на фоне того, что он оставил рядом с сокровищами, покажется мне милой безделицей. Да и потом – сейчас этот мадьяр сама доброта и вежливость, но кто знает, в кого он превратится тогда, когда мы доберемся до золотишка? Если вообще доберемся. Опять же – это он сейчас помощь сулит, а там может сказать, чтобы я сам разбирался с ловушками. Дескать – ты подрядился добыть мне семейное добро, так и давай, работай.

С другой – заманчиво. Очень заманчиво. Речь не о куче денег, которую я могу заработать, нет. Не скажу, что они мне не нужны, это будет ложью. Деньги – не бумага, как о них говорят, деньги наиболее короткий путь к независимости и стабильности, но сейчас это, на самом деле, вторично. Ласло упомянул, что в тайнике хранятся старые и редкие вещишки, а они мне ох как пригодиться могут. Среди найденного не может оказаться того, что потребно Полозу, это мне отлично понятно, но речь сейчас идет о другом.

Если мадьяр прав, то я получу на руки несколько серьезных козырей. Эти артефакты можно использовать, например, при торге с нынешним владельцем того перстня, который я никак не могу рассмотреть во сне. Кто знает, вдруг до подобного дело дойдет? Наверняка и перстнем, и остальными предметами, которые я еще не видел, но которые, несомненно, существуют, владеют люди непростые. Вряд ли антикварные вещи пылятся в комоды какой-нибудь бабули – божьего одуванчика. Нет, в нашей жизни всякое возможно, но вероятность того, что их обладатели коллекционеры или просто зажиточные люди, куда выше.

Да и алчность Карла Августовича мне может сыграть на руку. Уж лучше расстаться с парой украшений, чем снова шастать с ним по старым домам или непролазным лесам. К тому же еще неизвестно, будет ли следующий клад настолько же покладистым, как предыдущий.

Это очень серьезный аргумент в пользу положительного решения. Очень.

А еще... Приключение. Это настоящее приключение, от которого по спине мурашки бегают. Клад черного колдуна – ведь звучит же? Врать не стану – романтичным подростком я сроду не был, как-то с этим не сложилось, как видно, теперь, повзрослев, добираю те эмоции, которых тогда не хватило.

Да и должники мне не помешают. Аджин фигура в Москве весомая, его благодарность дорогого стоит. Да и связи личного характера в Мадьярии лишними тоже не будут. Кто его знает, как оно там дальше сложится? Место под Луной мне досталось, прямо скажем, неприглядное, то, на котором ты должен всем, а тебе никто, так что есть вероятность того, что в одну лихую ночь я осознаю, что надо быстренько из России сматываться. Причем так, чтобы для начала где-то отсидеться. Верных друзей у меня нет, надежного тыла в виде любимой и любящей женщины тоже, так что надо заводить взаимовыгодные и взаимообязывающие деловые связи. Такие, как, например, вот этот товарищ. Мадьярия страна хорошая, лесистая, укромных уголков там много, есть где спрятаться. Опять же – кухня там вкусная, вина неплохие, озеро Балатон имеется. И еще у Ласло есть младшая сестричка... Как там ее? Маргит. Мадьярки красивые девчонки, между прочим. Я по «Нешнл Географик» видел передачу, там данный факт особо освещался.

Нет, можно, конечно, в случае чего попросить защиту и покровительство у отца, но тут уж лучше я сразу голову в петлю суну. Дешевле выйдет.

По всему выходит, что надо соглашаться, овчинка стоит выделки. Хотя, разумеется, кое-какие шаги, обеспечивающие мою безопасность, предпринять надо будет обязательно.

– Ласло, есть вопрос. – Я отхлебнул пива. – И если ты сочтешь, что я хочу знать слишком много, еще не дав согласия на сделку, просто скажи мне об этом.

– Слушаю, – ответил мадьяр.

– Россия большая, потому формулировка «недалеко от Москвы» достаточно размыта. Я в данный момент не могу надолго отлучаться из столицы, потому хотелось бы знать – куда именно мы отправимся, если ударим по рукам?

– На самом деле не слишком далеко, – улыбнулся мадьяр. – Не беспокойся. Знаешь, где находится озеро Сенеж?

– Сенеж? – уточнил я. – Слышал про такое. Это, вроде, по Ленинградке ехать надо? В смысле, по Ленинградскому шоссе.

– Именно, – кивнул Ласло. – Вот в его окрестностях нам и предстоит отыскать то, что спрятал мой дядя. Если, конечно, ты согласишься это сделать.

Недалеко. Ну относительно, разумеется, особенно если учесть, что ехать придется по вечно стоящей в «пробках» Ленинградке. Но могло быть и хуже. Тверь, Бологое, далее везде. Прекрасные города, дивные места, но под категорию «туда-обратно» они подходят куда более условно.

И только одно мне не давало прямо сейчас ударить по рукам с мадьяром. Нет-нет, не то, что я его толком не знал, поручительство Абрагима дорогого стоит. Я хоть и вижу аджина второй раз в жизни, уже отлично понял, что свою репутацию он бережет, как восточная девушка невинность. Случись что со мной, его доброму имени будет нанесен большой урон, так как шила в мешке не утаишь. Все заинтересованные лица очень быстро узнают, кто приложил к этому волосатую лапищу.

Речь о другом. Почему два моих коллеги отказались от этого дела? Потому что не захотели ехать в Россию? По причине мизантропии и человеконенавистничества? Или на то были другие, более веские поводы, о которых я не догадываюсь, по причине собственной необразованности в делах мистических и тайных?

И самое обидное, что и посоветоваться-то не с кем. Все, кто что-то могут знать, играют в свои игры и мигом сделают меня разменной монетой в торге с тем же Ласло. И снова я стану таскать каштаны из огня для кого-то другого. Кого угодно, только не для себя.

А мадьяр молчит и улыбается. Прямо Джоконда, а не человек.

– Понимаю твои сомнения, – сообщил он мне, заставив на секунду подумать, что последняя мысль была произнесена вслух. – Ты меня не знаешь, и, разумеется, мне не веришь.

– Я за него ручаюсь, – ухнул, как филин, Абрагим. – Моего слова тебе хватит, Хранитель?

– Более чем, – отозвался я.

– Нет, мы сделаем по-другому. – Ласло сунул руку за спину, и секундой позже я увидел у него в руке нож. Небольшой, с узким, чуть изогнутым лезвием и с белой костяной рукоятью. – Пусть все будет честно.

Магьяр не поморщившись полоснул себя по руке, на стол закапала кровь.

– Ух! – чуть зажмурил глаза я. – Да ты резкий парень. Так-то уж не стоило.

– Стоило, – заверил меня он. – Мне надо, чтобы ты не удар в спину ждал, а делал то, что умеешь лучше других. Просто потому, что кроме тебя, мне никто не поможет.

Он провел ладонью над скопившейся на пластиковой поверхности стола кровью, и та вдруг вспыхнула светлым, почти белым пламенем.

– Я, Ласло, из рода Балинтов, клянусь в том, что не умышляю какого-либо зла против Валерия, Хранителя кладов, и обязуюсь сдержать все обещания, ему данные. Клянусь и в том, что стану помогать ему по мере своих сил, а также оберегать его до той поры, когда наш договор потеряет силу.

Когда он закончил говорить, кровь полыхнула так ярко, что я даже глаза зажмурил, а когда их открыл, ни огня, ни даже какого-либо пятна на столе не было.

– Проезд и пропитание за твой счет, – усмехнулся я, протягивая ему руку. – Но тут можешь себе ладонь не резать, на слово поверю. Договор, Ласло из рода Балинтов. Попробуем найти семейные ценности, уговорил.

Что интересно, на ладони у него и следа от пореза не осталось. Регенерация, однако.

Или мне только что отвели глаза?

На самом деле, грустно это все. Допекли меня любители закулисных игр, которые вокруг вьются, я скоро себе самому доверять перестану.

- Машина есть, да и голодным не останешься, - в тон мне ответил Ласло. - Мне бы хотелось как можно быстрее отправиться в путь.

- Быстрее не получится, - расстроил его я. - У меня насыщенная программа, дружище, никак не могу перенести запланированное. Но вот послезавтра я в твоём распоряжении. Можем выехать с самого утра, как рассветет, чтобы особо не стоять нигде. А там - как повезет. Радиус поиска большой? Километр на километр, или еще хуже?

- Немного лучше, - успокоил меня мадьяр. - Хотя все равно походить придется. Но мы будем надеяться на лучшее.

- Ласло, ты в России. - Я допил пиво из кружки. - У нас все строится на надежде, потому что остальное ни гроша не стоит. Лучше дай мне визитку, если есть, или телефон продиктуй. И мой запиши. Завтра ближе к вечеру созвонимся, договоримся о встрече. Точнее, я скажу, куда тебе за мной подъехать.

Кто его знает, где я завтра буду ночевать? Впрочем, это я вообще сильно вперед забежал, у меня на сегодняшний вечер невероятно веселая встреча запланирована, и пока неясно, чем она закончится. Нет, я, конечно, подстрахуюсь, но ведьмы настолько непредсказуемы, что любые предосторожности могут пойти прахом.

- Я рад, что мы поладили, - мадьяр протянул мне белый прямоугольник. - Дар предвидения не входит в число тех, что доступны моей семье, но мне кажется, мы добьемся успеха.

- Ну пара таких молодцов-то, - хмыкнул я. - Какие сомнения. Абрагим, не хочешь составить нам компанию?

- Озеро, - почесал волосатую грудь под халатом аджин. - Мне нельзя туда. Большая вода может меня убить, если будет сильно рядом.

– Так вон там набережная, – мотнул я подбородком вправо. – Отсюда десять минут пешком. И ничего!

– Камень, – топнул ногой Абрагим, а после вытянул руку, показывая на дома напротив. – Много камня. Он мой друг, он защитит. И река далеко, ее духи меня не смогут достать. А там лес, земля, они меня не любят, могут предать. Меня родил огонь, лес его боится. Тот, кто боится, раньше или позже предаст, таков закон жизни. Не поеду, не проси. Но потом приходите, я сделаю вам джудже кебаб, мне как раз шафран из Тегерана привезли. Хороший, не то что здесь.

– Ну вот, главное есть, – рассмеялся Ласло, на щеках у него появились ямочки. – Место, где мы отлично отпразднуем наш успех. Согласись, Валерий, это уже немало.

– Кебабы вкусные, – заметил я. – А с учетом, что их будет готовить Абрагим... Короче – твоя правда, стимул серьезный.

Вот так, с шутками, мы и расстались, тем более что день как-то незаметно перевалил за вторую половину, небо начало набирать густую синеву, и в нем, почуяв прохладу, закружились птицы. Я побрел к метро, на ходу вынимая из кармана смартфон, а мадьяр остался сидеть за столом.

– Хранитель, стой, – остановил меня оклик аджина тогда, когда я отошел от его заведения шагов на десять. – Погоди.

– Точно... – Я ощутил, как краснею. – Не расплатился! Ты прости, из головы вылетело совершенно со всей этой каруселью. Я сейчас!

– Ай! – вскинул вверх свои лапищи аджин. – Сегодня ты не платишь, стол за счет Ласло. Я другое хотел сказать. Одна из тех двух девок, что я сегодня навсегда выставил за дверь, дала хорошую клятву. Для меня хорошую, не для нее. Молодая, глупая, испугалась, Луной поклялась. Для ведьмы страшнее слов нет, эту клятву обязательно надо исполнить, иначе всё, иначе большая беда случится. Те ведьмы, что постарше, язык себе скорее отрежут, чем такое скажут, но эти дуры, они о лицах думали, а не о том, что говорят. Она поклялась мне, а я дарю право взыскать с нее долг тебе. Доброй волей дарю, без условий и договоров. Мне ее услуга не нужна, я все что надо с ее хозяйки возьму. А тебе, может, зачем и когда пригодится. Только много не проси, она еще слабая, да и

умом не сильна. Помни о мере, Хранитель. Много – не всегда хорошо.

Прав был Киплинг, Восток есть Восток, умеют они красиво слова в предложения связывать, особенно если чего-то дарят. Помню, к отцу на какой-то день рождения его партнер приехал, приблизительно из тех же краев, откуда Абрагим родом, так гости после его речи даже забыли, что теперь выпить надо. Заслушались.

А подарок и впрямь неплох. Кто знает, как оно дальше сложится, может, и пригодится мне эта девчонка. Правда, я понятия не имею, где ее искать и как ее зовут, но это уже детали. Надо будет – отыщу.

Пока шел – созвонился со Стеллой, которая, кстати, на редкость быстро мне ответила. То, бывало, ждешь чуть ли не до момента, когда робот ответит, что абонент в данный момент с тобой общаться не хочет, а тут она прямо сразу трубку схватила, словно моего звонка ждала.

Впрочем, скорее всего, так и было, благо поводов для данного события хоть отбавляй.

– Ну, чего от тебя Абрагим хотел? – чуть посапывая, осведомилась она.

– Не поверишь – он просто по мне соскучился.

– Не поверю, – с легким возмущением в голосе произнесла ведьма. – Валер, мне твои шутки уже начали надоедать.

– Так я и не стараюсь. Вот если бы я свое чувство юмора на полную включил, ты бы что ни день от смеха умирала. Но с тобой шутить неинтересно, не твое это. И сразу – мне вот тоже надоела твоя коронная фраза про то, как бы ты меня убила. Ну или собираешься по осени убить. И я, заметь, не говорю про то, что ты постоянно ее талдычишь, хотя и мог бы. Знаешь почему?

– Почему? – с легкой усталостью спросила Стелла.

– Потому что я уважаю наши партнерские отношения, – веско заявил я. – Мы с тобой – одно целое еще на квартал минимум. Не в физиологическом смысле,

разумеется, а на ментальном уровне. Значит, должны друг друга ценить, оберегать, предостерегать от разных неприятностей. Доверять друг другу обязаны.

- Золотые слова, - всхлипнула в трубку Воронежская. - Валерий, ты такая лапа! Откуда тебя забрать?

Лапа, лапа. Еще какая, сама нынче убедишься. Всему на свете есть предел, что уж тут про мое терпение говорить?

- Значит, все-таки поедем? - неохотно осведомился у нее я. - Стелл, может, ну ее, твою руководительницу, а? Ясно же, зачем зовет. Мне, если честно, все эти разговоры до смерти надоели, переливают из пустого в порожнее, все одно и то же. Пошли лучше в ресторан, а? Покушаем мяса, выпьем вина, мне все мужики обзавидуются, потому что ты, при всех твоих недостатках, женщина исключительно красивая. Тебе несложно, а я комплексы потешу.

- Ой, хорош прибедняться, - насмешливо пропела ведьма. - Кто бы говорил! Да и та же твоя подружка-неврастеничка вполне неплохо выглядит, даже в состоянии «с похмура». Так что не льсти попусту, у тебя это не очень хорошо получается. А ехать надо. Ты сейчас где?

- На «Парке Культуры», - печально вздохнул я. - Когда тебя ждать, владычица моей судьбы?

- Минут через сорок, - подумав, ответила девушка. - И насчет твоей последней фразы - не шути так больше ни с кем и никогда. Беду накличешь.

Правда - как же ехать не хочется. Вот заранее чую, что ничего хорошего со мной там не случится. Нет, плохого тоже, но вечер жалко.

Впрочем...

- Паш, привет, - бодро проорал я в трубку минуту спустя. - Есть немного времени?

- Если только совсем немного, - пропыхтел Михеев. - Излагай.

- Ты на тренажере, что ли? – уточнил я – Бегом от инфаркта?

- Что-то вроде того, – подтвердил оперативник, а потом я услышал два хлопка, в которых безошибочно узнал выстрелы. – Здоровье укрепляю таким образом. Колька, загоняй его к бункеру!

- По ходу, и правда не ко времени позвонил, – немного смутился я. – Ладно, как будет минута...

- Говори, – велел полицейский. – Не тяни кота за хвост!

Я рассудил, что хозяин барин, и бодро пробарабанил ему все новости, касающиеся моей поездки.

- Плохо, – подытожил Михеев. – Не самый лучший момент для поездки в Маслово.

- Куда? – не понял я.

- В Маслово, – повторил Павел. – Марфа там живет. Поселок такой. У нее там дом и сад.

- Это не тот, часом, что на Ильинском шоссе? – уточнил я. – Или какой другой?

- Именно тот. А что?

- Да ничего. Просто спросил.

- Лишнего не болтай, обещаний никаких не давай, договоров или сделок не заключай, – велел мне оперативник. – Если это сделаешь – беда. Вурдалаки и так тебе почти наверняка за эту поездку претензию предъявят, но ты их смело послать сможешь, в принципе. Но это если ты будешь свободен от обязательств перед Марфой. А вот если нет...

- Буду, не сомневайся, – пообещал я. – Мне одной ведьмы хватает, на кой мне вторая? Я еще чего тебя хотел попросить – через часок снова тебя наберу и устройу небольшой театр. Хочу, чтобы Стелла знала...

– Все ясно, – оборвал меня он. – Давай, звони. Колька, серебром его!

И отключился. Интересно, кого это они там загоняют такого? «Серебром его». Оборотня, что ли? Их вроде серебряной пулей убить можно. Хотя... Я вон думал, что кровососы креста боятся и осины. А фиг-то!

Что же до претензий вурдалаков – идти им с ними далеко и надолго. Они мне еще высказывать что-то будут, поглядите-ка. Я эту публику и до того как-то не особо боялся, а теперь и вовсе стал воспринимать как нечто нормальное, хотя и неприятное. Ну пьют они кровь. И пусть пьют. Главное, что не мою и не моих близких.

Хотя, конечно, по всем ним осина плачет. Так что если кое-кто из западных авторов-романистов прав, и у них все же начнется война с оборотнями, то я встану на сторону последних.

Шутка. Ни на чью сторону, кроме своей собственной, я сроду не встану. Они мне все уже успели надоест, хотя вроде бы я в этой каше варюсь не так давно.

Стелла, кстати, что-то такое ощущала, потому особо меня по дороге не прессинговала, хотя было видно, что она очень напряжена. То ли потому, что мы ехали на встречу с той, кто ее судьбой вправе распорядиться, то ли переживала за провал своих соплеменниц в заведении Абрагима, то ли оттого, что не знает темы моего разговора с аджином. А может, и мой звонок Михееву ее настолько опечалил, очень уж недовольно она на меня после него зыркала.

Или вообще за все сразу.

Что до меня – я получал удовольствие от прохлады, которая царила в салоне машины, и размышлял о том, насколько витиеваты бывают повороты событий.

Казалось бы – Маслово и Маслово, обычный дачный поселок, которым нет числа в том же Подмосковье. И название типовое.

А вот и нет. Дело в том, что до Петрова-Среднего, где обитает семейство Певцовых, от этого Маслово рукой подать. Условно, разумеется, но тем не менее. Так что, может, я еще и попаду сегодня на ужин к Юльке и ее маме. Очень мне

хочется все неприятные дела одним днем закончить, чтобы завтра спокойно провести день дома, подготовиться к поездке с Ласло, выспаться, наконец. И если повезет, то все же рассмотреть тот перстень, который надо найти. Ведьмы, вурдалаки, мадьяры – это все прекрасно. Но мне дело надо делать, потому что осень на пороге. А там – встреча с Полозом, который страшнее и опасней всей этой публики вместе взятой.

К дому Марфы мы подъехали тогда, когда солнце уже вовсю валилось за горизонт, а тени на земле удлиннились. Кстати – очень даже неплохо верховная ведьма устроилась. Большой дом старой и очень добротной постройки, немаленький сад, и это при том, что земля по этому направлению стоит сильно недешево. Красиво живут эти дамочки, надо признать, с размахом.

А вот сама Марфа меня удивила. Не совпала ее внешность с моими ожиданиями, причем абсолютно. Просто я отчего-то решил, что это будет высокая и суровая дама в возрасте, с резкими чертами лица и чуть ли не в латексе. И непременно с плетью в руке. Эдакая, знаете ли, госпожа с ярко выраженным доминированием. Просто голос у нее был резкий, властный, вот и сложился стереотип.

Не угадал, причем совершенно. В саду нас встретила старушка, с которой только рисовать рекламные плакаты на тему «Приезжайте к нам в деревню пить парное молоко». Невысокая, с морщинистым личиком, улыбчивая, с седыми кудряшками и в пестром халатике.

Единственное, что не вязалось с ее обликом, был взгляд – холодный, цепкий, оценивающий. Он не то что с рентгеном, с МРТ мог посоперничать.

– Вовремя, вовремя, – сообщила она нам. – Как раз чаек села попить в саду, а тут и вы приехали. С гостями-то за столом сидеть веселее, чем в одиночку.

– Добрый вечер, – поприветствовал я ее. – Да все равно мне как-то неудобно. Вот так завалиться в гости посреди недели, вечером...

– А я на пенсии, – бодро заявила она. – У меня теперь любой день выходной. Вы же молодые, у вас сил полным-полно. Эх, помню, я в ваши годы неделями не спала, веселилась!

Знать бы еще, на какие именно годы в мировой истории ее юность выдалась. Может, в то время как раз поляки на нашу землю напали, и она по лесам от них бегала, потому спать было некогда. Панове их племя сильно не любили и потому жгли ведьм более чем охотно, совмещая данные забавы с другими не менее увлекательными занятиями, вроде войны, грабежей и лихого шляхетского пьянства. После князя-вурдалака я ничему уже не удивлюсь.

В саду и впрямь был накрыт стол, причем без особого шика. В самом деле обычное дачное чаепитие – баранки, ватрушки, вазочка с конфетами, розетки с парой видов варенья. Что любопытно – кроме верховной ведьмы я более никого вокруг не заметил. Она, мы и комары – вот и все, кто были в саду.

Странно. Хотя – может, ее подручные в доме засели, в окна глядят?

– Чаек сама заваривала, – ворковала Марфа, наклоня заварочный чайник над моей чашкой. – С мелиссой, с мятой. В травах, Валера, вся сила, уж поверь мне. Все хвори могут вылечить, абсолютно все. Надо только знать, какая травка от чего поможет, да как их верно смешать.

– Знание – сила, – поддержал я ее.

– Уходят знания, уходят, – пригорюнилась старушка, усаживаясь на стул. – Как вода в песок. Старики покидают этот мир, молодым ничего не надо, у них один ветер в голове.

Интересно, а можно тут что-нибудь есть? В смысле – мало ли, что они в эти ватрушки могли подмешать из числа тех же травок. Съем сейчас что-нибудь и стану братцем Иванушкой, с копытцами и рожками. Вот только на Аленушку мою надежд никаких нет, она только обрадуется подобному повороту событий.

– Ешь, – мелко рассмеялась Марфа. – Не бойся. Ты в моем доме, Валерий, опасаться нечего. Да и потом – ты же известил своего приятеля о том, куда именно ты поехал, верно? Мне проблемы ни с ним, ни с его коллегами не нужны. Я их не боюсь, но тратить время на бесплодную борьбу не желаю.

Проницательная какая, ничего от нее не скроешь. Хотя, может, оно и к лучшему.

– О подобном не мне судить. – Я выбрал ватрушку с наиболее поджаристым боком и лихо откусил от нее почти половину. – Вкусно! Так вот, – ваши дела – это ваши дела, я в них не лезу.

– А тебе и не положено, – заявила старушка, подцепив из сахарницы большой кусок какого-то странноватого сахара, очень плотного и очень белого. Я такого и не видал никогда. – Хранителю Кладов в наших дрязгах делать нечего, у него другое призвание и другая судьба, не похожая на остальные.

– Уважаемая Марфа... – Я запнулся. – Простите, не знаю вашего отчества, вы его не называли.

– Петровна я, – чинно ответила старушка. – Но ты не продолжай, я знаю, о чем пойдет речь. Ты сообщишь, что человек простой, дипломатию не уважаешь, потому хочешь сразу услышать, что мне от тебя надо.

– В принципе, все так, – признал я – За одним исключением, Марфа Петровна. Что надо – и так понятно. Непонятно, с чего вы решили, что чаепитие поможет вам достичь желаемого результата. Не хочу прослыть неблагодарным ватрушкеедом, потому сразу скажу – нет. На вас я работать не стану. Не хочу.

– Дело только в нежелании? – отхлебнула чаю Верховная ведьма. – Или на то есть другие причины? Например, договор, который был заключен с вурдалаками? Причем сразу с двумя кланами одновременно.

– Восхищен вашей информированностью. – Я отсалютовал Марфе чашкой.

А Шлюндта она не упомянула. Отчего? Не знает? Или не хочет его имя произносить по какой-то причине?

– А я поражена твоей неразборчивостью. – Милая старушка начинала постепенно переставать быть таковой, появилось в ее лице что-то резкое. – Связаться с кровососами – верх глупости и доверчивости.

– Не понимаю, отчего у вас к ним такое отношение, – заметил я, беря еще одну ватрушку. – Неглупые ребята, знающие, чего хотят. Ну да, излишне грубоваты, да и деньги у них в карманах не держатся, но живут-то красиво! И дела ведут

честно.

– К ним не очень подходит слово «живут», – назидательно заметила Марфа. – Они давным-давно мертвы. А уж про честность их я и упоминать не желаю. Какой смысл говорить о том, чего нет?

– Ну это смотря на чьем фоне, – хмыкнул я. – Если на вашем – так они агнцы божьи.

Можно было бы еще немного поразвлечься беседой, в которой каждый из нас пускал в ход фразы с двойным, а то и тройным дном, но, боюсь, далековато мне вот до этой милой старушки, уделает она меня в словесной дуэли как бог черепаху.

– Мне очень не нравится, когда оскорбляют мой ковен. – Голос Марфы был настолько холоден, что чай вот-вот должен был превратиться в лед. – Особенно безосновательно.

– Я бы так не сказал. Ну в смысле безосновательности. Вам разве Абрагим еще не позвонил? Он собирался, потому что непосредственно вы своей выходкой его очень крепко разозлили.

Ого, как краска от щек Стеллы отлила, сидит бледная как смерть.

– Я разозлила Абрагима? – неподдельно изумилась Марфа. – Ты о чем? Какая выходка? Человек, я чту Покон и ту его часть, что говорит о неприкосновенности гостя, но не настолько, чтобы выслушивать подобные речи.

Разумеется, я тут же рассказал ей о произошедшем, убрав из рассказа упоминание о Ласло, но зато напирая на тот факт, что молоденькие ведьмочки всячески давали нам понять, что за ними кто-то стоит, кто-то очень весомый, хотя имя его и не называли. Но нам с достопочтенным Абрагимом было трудно представить себе кого-то более авторитетного, чем уважаемая Марфа Петровна. Нет, есть в столице и другие ковены, но рассматривать их всерьез никто, разумеется, не станет.

Та, не перебивая, дослушала меня до конца, причем к финалу от доброй старушки, которая встретила нас у калитки, почти ничего не осталось. Нет-нет, клыки не вылезли, рост не увеличился, а кудряшки не развились, просто перестала она изображать из себя того, кем не являлась. И очень хорошо, не люблю я, когда волк в овечью шкуру рядится.

– Замечу – это не единственный случай, когда мне мешали жить ваши... э-э-э-э... подчиненные, – закончил я свою речь. – Стелла – это Стелла, я к ней уже привык, но во всем нужна мера, согласитесь? Вы же, уж простите мое юношеское нахальство, ее, похоже, не знаете. А теперь еще и желаете пообщаться со мной на тему любви и дружбы. Вам не смешно? Я уж помалкиваю, в каком гневе был Абрагим, и чего мне стоило...

Марфа, кивая в такт моим словам, встала из-за стола, подошла к Стелле и отвесила ей пощечину, такую, что у девушки голова назад мотнулась, и чуть зубы из рта не вылетели. Прямо по-мужски так ее ударила, со всего маха. Моя приятельница скривилась от боли, из краешка рта у нее скользнула тоненькая струйка крови.

– В дом, на колени, на стекло, а дальше будет видно, как я тобой распоряжусь, – коротко велела Марфа Воронецкой, после уселась за стол, подперла подбородок рукой и произнесла: – Да-да, Валера, слушаю тебя. Что ты там говорил про Абрагима?

Глава пятая

– Ух, – непритворно впечатлился я, глядя на Стеллу, которая, пошатываясь, отправилась в сторону дома. – А вы строги, Марфа Петровна. Суровы! Может, так не стоит?

– Только так и стоит, – куснула сахарок крепкими зубами верховная ведьма. – Иначе совсем страх потеряют.

– А вот «коленими на стекло», – уточнил я. – О чем речь?

– О том самом. Как слышится – так и пишется. У меня в дальней темной комнате стекло битое, до крошки измельченное, лежит на полу, вот там эта дура и постоит на коленях денек-другой, пока ума не прибавится. Ну а после мы с ней пообщаемся на тему, как дальше жить станем.

– Денек-другой? – странное дело, но мне вдруг Стеллу стало жалко. Да, она пыталась меня убить, но все равно как-то жалко эту стерву стало. Что она пощам получила – справедливо, но битое стекло... Что за привет доктору Менгеле? – Не слишком ли большое наказание за проступок? Непоправимого ничего не случилось, я здесь, Абрагим, как все восточные люди, вспыльчив, но отходчив...

– Дело не в тебе и не в аджине, – отхлебнула чаю Марфа. – Дело в излишнем самомнении и желании брать на себя больше, чем я велю. Это в офисах да банках за дурную инициативу отвечает непосредственно инициативный, а у нас по-другому. У нас ответ держит не тот, кто решил вперед остальных вылезти, а тот, кто над ним стоит. Ошибка его, ответ мой. Вот ты, Хранитель, сейчас вправе сказать мне: «Марфа, дура старая, твои ведьмы мне свет застыят, я буду просить справедливости у Великого Полоза». Что мне тебе ответить? «Я не знала, не хотела»? Смешно ведь, согласишься? А Золотой Змей и вовсе слушать такое не будет, попросту пошлет одну из своих подручных ко мне в гости, та поцелуй свой подарит в ночи, и нет больше Марфы. Была – да вся вышла, вместе со своей силой и властью. Оно мне надо?

Звучит реалистично. Ну за тем исключением, правда, что я Великого Полоза ни о чем таком просить не собирался. Да что там – я и не в курсе был, что имею на это право.

Теперь, правда, знаю. И непременно запомню.

– Мало того. – Марфа подлила мне чаю. – Теперь думать стану, – а не было ли у Стеллы твоей изначального умысла нас с тобой лбами столкнуть? Ты помощи у Полоза просишь, меня ногами вперед из дома выносят, на мое место кто-то из ближниц сядет, а Стелла прыг – и совсем близко к креслу Верховной подберется. Она же еще этой зимой никем была, так, подай-принеси. Потом, в начале лета, выслужиться сумела, над своими сверстницами-подружками вознеслась, а такое голову ох как кружит! Больше хочется, больше!

Я молчал, пил чай, жевал очередную ватрушку.

– Разве что убить ее? – задумчиво глянула на меня Марфа. – А, Хранитель?

– Дело ваше, – проглотив кусок, равнодушно ответил я. – Мне все равно.

– Чего это? – верховная ведьма прищурила левый глаз. – Коли коленями на стекло – заступаешься, а как речь о жизни и смерти пошла, так тебе и дела нет.

– Коленями на стекло – это больно, – пояснил я. – Не люблю, когда живых существ мучают. Не по мне такое. Что же до остального – кроме неприятностей я от вашей Воронежской ничего не видел, так что жалеть мне ее смысла нет.

– Суров. – Марфа оперлась рукой о стол и уставилась на меня. – Мужчина!

Провоцирует меня старая бесовка, колет словами-иглочками в разные точки, ищет то место, где мне больно будет. Техника примитивная, оттого и действенная.

– Марфа Петровна. – Я дожевывал ватрушку, глянул на блюдо, где лежал еще десяток таких же, вздохнул и отодвинул от себя чашку. – Давайте уже поговорим о том, зачем вы меня сюда пригласили, а? О кладах, местоположение которых вам известно, сплошной пользе, что ждет меня при условии плодотворного сотрудничества с ковром, который выгодно отличается от всех прочих обитателей Ночи, и прочих частностях. Я сразу, на дальних подступах, предупреждаю вас о том, что ответ на большинство предложений будет отрицательным, но из глубокого уважения все их внимательно выслушаю.

Молчала ведьма, сложив руки на груди, смотрела на меня, о чем-то думала. Я же, поняв, что пауза затягивается, все же взял еще одну ватрушку.

Замечательные они у нее, я таких давно не едал. Не фабричная выпечка, домашняя, не каждый день подобное пробовать приходится.

– Значит, не хочешь ты со мной работать, Хранитель? – наконец осведомилась она у меня. – Верно поняла?

– Такого не прозвучало, – мигом отозвался я. – Жизнь исключительно разнообразна, то, что ни к чему сегодня, может стать необходимостью завтра.

– Не надо играть словами, – поморщилась Марфа. – Ты все верно разложил по полочкам – я знаю, где лежат старые клады, и готова заключить с тобой взаимовыгодную сделку, но тебе это не нужно.

– Сейчас не нужно, – подтвердил я. – Деньги ни к чему, поскольку я парень неприхотливый, а забавы ради со старым золотом возиться не хочу. Иной раз от него вреда больше, чем пользы, это я уже хорошо уяснил.

– Аргумент, – кивнула ведьма. – Но есть ведь и другие варианты. Днями ты заключил договор, по которому обязуешься помочь в поисках сокровищ тем, кто в свою очередь пособит тебе с поручением, от Полоза полученным. Было такое?

– А как же. – Я откинулся на спинку стула. – И сразу примите мое восхищение, служба осведомления у вас работает отлично. Вроде за столом там только свои сидели, а вы все знаете.

– Слухами земля полнится. – Меня одарили улыбкой. – Так я к чему – чем больше народу, тем проще тебе будет батюшке-Полозу услужить. Давай и мы к коллективу примкнем, а? Больше не меньше, хуже не будет.

– Будет. – Я тоже изобразил на лице самую дружелюбную улыбку, на которую был способен. – Ой как будет. Мои новые деловые партнеры против расширения списка концессионеров. Конкуренция, дорогая Марфа Петровна, она такая конкуренция. Бизнес, ничего личного. Но...

– О чем ты, милый? – Ведьма подалась вперед, чем-то напомнив мне королевскую кобру, которую я как-то видел в террариуме пражского зоопарка. Помню, напугала она меня тогда изрядно. Тоже вот так на хвосте стояла, чуть покачивала башкой, а потом как молния вперед рванула, в стекло врезалась клыками, и по нему мутный яд потек. – Какая конкуренция? С кем мне конкурировать? С грязными тварями, которые всего-то сто лет как перестали по подвалам да схронам таиться, и вылезли наверх только потому, что города выросли, что грибы после дождя? Мы – веды знающие, наши праматери свою силу от богов получили, цари земные к нам на поклон ходили.

– И между делом жгли прямо в избах, – добавил я. – Как видно, не до конца понимая, с кем связываются.

– В толк не возьму, ты сильно смелый или сильно глупый? – склонила голову к плечу ведьма. – Поясни старухе, коли не в труд.

– Скорее глупый, – не стал чиниться я. – Поскольку крепко подозреваю, что слово, данное друг другу на той исторической встрече, только я один держать и стану. Но ничего с собой поделать не могу, воспитан так, что всегда выполняю обещанное. Дурак? Как есть. Так что если вы сейчас пожелаете и меня коленями на стекло поставить, то я вас где-то пойму. Нет, само собой стану сопротивляться, а после отомщу непременно, если получится, но понять смогу.

– Твой предшественник был другой. – До того ледяной взгляд Марфы немного оттаял. – Он мне тоже отказал, но не так, не так. Ладно, зайдем с другого края. Скажи, если кто-то из твоих деловых партнеров нарушит условия договора, ты сочтешь себя свободным от него?

– Нет. Но сочту, что данный повод достаточен для пересмотра основных условий. – Я мигом смекнул, куда она гнет. – Ну или является основанием для внесения в тело договора корректирующих поправок.

А почему нет? Скажу честно – когда эта старушка нависла надо мной, мне стало страшновато, а рука потянулась к карману, где лежал нож. Ясное дело, что такую бабулю и ломом не убьешь, тут нужно нечто большее, чем обычная сталь, но рефлекс есть рефлекс. Да еще и екатерининский рубль, который я по-прежнему носил с собой в качестве талисмана, начал ощутимо припекать ляжку, свидетельствуя о том, что дела идут не ахти.

Так что лучше ей хоть что-то сейчас дать и занять ее если не в союзниках, то хотя бы не в противниках. Опять же – Карлу Августовичу приятное тем самым можно сделать, он же вроде как с Марфой знаком, да еще и довольно-таки близко. А что может быть приятней, как оказаться партнером по бизнесу с бывшей возлюбленной? Да-да, ирония. Но когда они начнут жрать друг друга поедом, что скорее всего и случится, то мне от этого, глядишь, какая польза и выйдет. У них дразги – у меня оперативный простор.

И наконец – подозреваю, что возможностей у этой бабули побольше, чем у тех же вурдалаков. Хотя, конечно, проблемы тоже могут увеличиться в геометрической прогрессии. От одной Стеллы их сколько было, а тут таких Стелл целая груда будет!

– Кушай ватрушки, – ласково проворковала Марфа. – Кушай. И с собой я тебе их велю завернуть, они даже на второй день очень ничего будут. Творог-то не городской, из пачек, а настоящий, тут сделанный.

Ох, не займет бы заворот кишок от того творожка. Хотя нет, какой ей смысл меня травить? Вернее – какая выгода?

Но – лютая старушка, такая если вцепится, то не отпустит до той поры, пока тебе горло не перехватит или сама не сдохнет. Надеюсь, до последнего все же не дойдет.

– Спасибо, – поблагодарил я ее. – Да, вот еще что... Есть одно «но», не сказать о нем не могу.

– Ну-ну. – Марфа приложила ладони к чайнику. – Надо же, остыл совсем. Чего молчишь, Валера, говори.

– Характер у меня дрянь, – с улыбкой поведал я ей. – Вздорный, скандальный, взрывной. Терпеть не могу, когда меня пробуют контролировать, когда за мной следят, или когда пытаются объяснить, что я должен делать, а что нет. Вот та же Стелла – она ведь меры не знает. Нет, умом я понимаю, что у нее есть свои интересы, точнее интересы ковена, но...

– Будем считать, что ты меня уговорил, – усмехнулась верховная ведьма. – И предупредил. В ответ я вот что тебе скажу, парень – мне одинаково плевать и на то, какой у тебя характер, и на ту комедию, которую ты сейчас тут ломаешь. У меня есть свой интерес, ты можешь мне помочь в его реализации. Будешь умником, останешься в прибыли, начнешь мешать – умрешь. Все очень просто, Валера. Невероятно просто.

– Насчет помогать – не обещаю, но мешать точно не буду, – уверенно заявил я. – Мы не враги, по крайней мере – пока. Но напоследок вот еще о чем предупрежу – просто так я умирать не собираюсь. Если задумаете меня убить, будьте готовы к

тому, что я постараюсь добраться до вас раньше. Не факт, что получится, но попробовать – попробую непременно.

– Вот и правильно, – одобрила Марфа мои слова. – Только так и надо. Всех прощать – души не хватит, ее человеку при рождении отвешивают мало, еле-еле на себя хватает, что уж о чужих людях говорить. А злобы завсегда на всех хватит, ее как воды в море – черпай да черпай, пока не утомишься. Нет, неспроста ты мне сразу глянулся, наших ты кровей, наших. Эй, кто там есть? Паршивку из дальней комнаты сюда ведите.

Последнее слово первой встречи за собой оставить хочет. Прямо как мой родитель, он всегда так же поступал. Сначала что-то маленькое у потенциального партнера забирал, а потом ему же и отдавал, вроде как жест дружбы. Вернее, так считали те, кто поглупее, поскольку в бизнесе, как известно, тоже и простаков, и даже дураков хватает. Кто поумнее, понимали, что это предупреждение, причем весьма недвусмысленное, хотя ни к чему и не обязывающее.

И если я прав, то наш с Марфой Петровной разговор еще даже не начинался. А сегодня так, репетиция его состоялась, причем даже не генеральная. Обозначили позиции, сделали кое-какие выводы, поглядели друг на друга – и только. А остальное – потом.

Кстати, у меня на это «потом» еще пара козырей в рукаве отложена. И, пожалуй, наедине с Марфой я больше встречаться не стану, надо будет или Шлюндта, или Михеева звать в качестве соглядатаев. Ну и подмоги, на случай «если чего».

Стелла за время отсутствия потеряла весь свой лоск, как бы дико это ни звучало. К тщательно уложенным до того в искусную прическу волосам сейчас более подходило слово «патлы», румянец со щек пропал, и осанка неуловимо изменилась. Что там за комната такая, в которой женщина за десять минут стареет на десять лет жизни? Прямо даже интересно.

Но особенно жутко выглядели ее ноги. Марфа не врала, Воронежскую реально определили коленями на битое стекло. Просто у нее они все были в крови, причем при каждом шаге та выступала каплями на израненной коже, окрашивая пурпурным цветом изодранные чулки.

Я прислушался к себе – не екнет ли сердце, не стукнет ли в голову стыд, что вот так красивой девушкой распорядился, фатально спалив ее перед работодателем? Не-а. Ничего подобного. Жалко? Есть немного, уж больно она скверно выглядит. Но все остальное – нет, никаких уколов совести. Воронежская меня вообще на тот свет чуть не спровадила, и, подозреваю, удайся ей задуманное, сейчас бы обо мне уже не помнила, так, будто я и не жил вовсе.

Как с тобой, так и ты, этот принцип мне был знаком с детства и никогда не подводил. Настоящему другу помощи во всем, врага не жалеешь, потому что он делать этого тоже не станет. Впрочем, не скажу, что в последние годы мне приходилось пускать это правило в ход, поскольку мое существование назвать полной жизнью сложновато, а без последней ни настоящих друзей, ни настоящих врагов приобрести невозможно.

Но мне оно нравилось. Да, скучновато иногда, зато все понятно и предсказуемо. Одно плохо – кончилось спокойное житье-бытье.

Или, наоборот, – это хорошо?

– Свезло тебе. – Марфа с брезгливостью оглядела Стеллу. – Заступник появился, говорит, что не такая уж ты и дура. Верю в это с трудом, но гостя не уважить не могу. И ты бы особо не кочевряжилась, взяла бы его, да ублажила как следует, хоть бы даже из благодарности.

Стелла бросила на меня косой взгляд, вроде как виновато-благодарный, но я успел увидеть в нем искорку такой ненависти, что даже призадумался – а может, ну ее? Пусть бы ее прямо сейчас тут и пришибли. Воронежская может сколько угодно распинаться о том, как она теперь хорошо ко мне относится, но этот миг мне не забыть. Она – враг, и останется им всегда. Не знаю, началось ли это той ночью в лесу, или рубежной точкой стал сегодняшний вечер, но это так.

Отвечать она ничего не стала, ни Марфе, ни мне, только поклонилась, даже не поморщившись от боли в ногах, которая, я уверен, была ого-го какая. Порезы штука неприятная, знаю по себе.

– Ну что, Хранитель. – Верховная ведьма поднялась из-за стола, в ее руках забелел невесть откуда там взявшийся платок, в который она начала складывать румянобокие ватрушки. – Спасибо, что в гости заехал, не побрезговал. Моя бы

воля, оставила тебя до утра в гостях, чтобы и пообщаться от души, и почтение достойное оказать, но вижу, что спешишь ты куда-то. Есть у тебя дела поважнее, чем со старой бабкой время коротать. Ну раз так, то езжай, чего теперь поделаешь. Эта паскудница отвезет тебя туда, куда надо.

Хотел я ей сказать что-то вроде «под конец немного сфальшивили», но понял, что для того все и говорилось. В каждой мелочи, в каждой фразе эта женщина раз за разом испытывала меня, составляя, как видно, в своей голове мой психологический портрет. Не хочу ее радовать. Хотя, с другой стороны, все равно по ее и вышло, любой результат будет занесен в мою пусть материально не существующую, но уже заведенную личную карточку.

Зря Воронежская суетится. Ей до этой старушки пока далеко, приблизительно так же, как до Луны пешком. И до тех, кто рядом с ней стоит, подозреваю, тоже.

Впрочем, сейчас Стелле было не до карьерных устремлений, кровь продолжала сочиться из десятков мелких разрезов, и мне было непонятно, как она умудрилась завести машину и выехать со двора Марфы на дорогу. Сильная у нее воля, ничего не скажешь. Вон из глаз слезы текут, губа закушена, но рулит.

– Стой, – не выдержал я через пару минут, глядя на то, как на коврике появляются кровавые кляксы. – Да стой ты наконец! Прижмись к обочине.

– Извини, не спросила, – пробормотала она, вцепившись обеими руками в руль так, что у нее пальцы побелели. – Куда едем?

– На обочину, – рявкнул я. – И быстро!

Стелла выполнила приказ, автомобиль неловко вильнул, и застыл на месте. Девушка откинулась на сиденье, тяжело дыша, глаза ее были закрыты, из-под век все так же, одна за другой вытекали прозрачные слезинки.

– Ну у вас и нравы, – проворчал я, распахивая дверь. – Аптечка в багажнике?

– Да, – всхлипнула Стелла.

Надо отметить, что в этом плане она оказалась молодец, помимо стандартного набора, обязательного по закону, в довольно массивном чемоданчике красного цвета обнаружили другие лекарства, и некоторые из них сейчас очень пригодились. Например – стрептоцид, против нагноения он самое то. Хотя, конечно, если хоть в одной ранке осталось стекло, неприятностей все равно не избежать. Правда, она ведьма, наверняка есть у ее племени какие-то нетрадиционные способы лечения? Отвары там, зелья, все такое?

Но это уж пусть она сама расстарается, а я сделал то, что мог. Не обращая внимания на визги и пiski, протер колени Стеллы ваткой, смоченной в воде, прошелся по ним йодовым карандашом, а после начал обматывать бинтами, в которые от души сыпанул измельченного стрептоцида.

– Вот за что ты со мной так? – в какой-то момент спросила меня бледная от боли Стелла. – Ну да, характер у меня дрянный, я знаю, но так-то зачем, Валера? Ты же не мог не понимать, чем все кончится? Хорошо, что вообще сразу горло не перерезали, а то ехал бы ты сейчас домой один.

– Ну такого я и представить не мог, – честно ответил я, аккуратно бинтуя ее колено. – Сурово у вас карают за проступки. Ну а за что... За плохой слух, Воронежская, за что же еще? Не желаешь ты меня слышать, просто ни в какую. Говорил – не следи за мной? Говорил. Но тебе ведь все надо знать. Говорил – не лезь в мою жизнь? Нет, и тут нос хочется сунуть.

– Я должна все знать, – охнула от боли ведьма. – Понимаешь? Должна! Я очень хочу жить, Валера, ты даже не представляешь как. А ты все дальше и дальше уходишь от меня. Мне страшно, Швецов. Я боюсь пропустить тот момент, когда ты начнешь считать меня обузой, и те, кто уже вьется вокруг тебя, предложат от этой обузы избавиться. Да еще эти змеи...

– Какие змеи? – я аккуратно завязал бинт и занялся второй коленкой.

– Которые в снах моих ползают, – всхлипнула Стелла. – Каждую ночь, каждую ночь... И всякий раз боюсь одного – я проснусь, а они останутся. Но главное – ты! Вурдалаки, Шлюндт этот гребаный, теперь вот с отделом спелся... А меня будто нет, будто я так, приживалка незаконнорожденная. Ненавижу тебя, Швецов, ненавижу!

Град ударов прошелся по моему плечу, кулачки у нее были маленькие, но били сильно.

– Не дергайся ты! – прикрикнул я на разошедшуюся девушку. – Дай добинтую, а потом подеремся! И монашку из себя не строй, хорошо? Не надо этих «ах, меня все игнорируют, а я ведь такая милая». Обидели, понимаешь, мышку, написали в норку...

Ой как хочется ее ткнуть носом в смерть охранников антиквара, но – нельзя. Скажи я это, она мигом все поймет, а после... Вариантов может быть масса, и все они мне не сильно нравятся.

И самое забавное, что кроме этого да сегодняшнего инцидента у Абрагима, мне ей на самом деле даже и предъявить нечего. Ну, может, еще невроз Юльки.

– Скотина. – Удары прекратились, а ругань нет. – И спать со мной отказываешься! Нос воротишь! Все хотят, а он – не хочет. Хвост какой-то выдумал! Нет у нас никакого хвоста, это выдумки всё. Сериалов насмотрятся, а потом... Да тьфу на тебя!

– Ты давай особо не плюйся, – попросил я ее. – Не дай бог... Ну или кто там у вас? Так вот – если какое проклятие ко мне прилипнет, тебе точно кранты. Лично в мешок засуну и в речке утоплю. Я читал, ваше племя не только сжигать можно, но и топить.

– Инквизитор хренов, – сжала губы Стелла. – Только о том, как меня убить, и думаешь!

– Была охота. – Я завязал второе колено. – Можно подумать, на тебе свет клином сошелся. Не переоценивай свою значимость, Воронежская, не надо. Что до нас с тобой... Скажу то, что уже звучало – ты сама во всем виновата.

– Ну конечно, всегда во всем виновата женщина, еще со времен Эдема. – Стелла вытянула ноги и посмотрела на две повязки. – Ох, как это все мерзко смотрится! И как я теперь машину вести буду?

– Никак, – ответил я. – Мы ее тут оставим, а по домам на такси поедем. Потом заберешь. Единственное, надо бы ее обратно к дому Марфы отогнать, чтобы неприятности какой не случилось.

– Ты совсем дурак? – Стелла повертела пальцем у виска. – Лучше пусть мою «ласточку» угонят, это наименьшее из зол. Короче – случившееся твоя вина, потому давай, решай вопрос.

– Хорошо, – согласился я и вздохнул. – Но если что, именно ты будешь платить «гайцам» за то, что у меня ни прав, ни доверенности нет. Давай, пересаживайся на пассажирское место.

– Тогда помоги, – велела Воронежская, а следом охнула, когда опершись на мою руку, встала с водительского сиденья. – Больно Стеллочке, больно бедненькой! Ох, Швецов, ответишь ты мне за это. Ох, ответишь! За каждую капельку моей крови расчет держать будешь!

– Слушай, сейчас тебя тут брошу, и гребись ты в доску! – не выдержал я. – Достала, честное слово! Вот правда, уже жалею, что замолвил за тебя слово и вытащил из комнаты, в которую тебя определили.

– Злой ты, Валера, – проныла ведьма. – Недобрый! Фу таким быть! Мне – можно, я ведьма, у меня суть такая, а тебе нельзя, потому что ты человек!

– Люди тоже так себе бывают. – Я помог ей устроиться на сиденье, которое максимально отодвинул назад. – Не говори, что ты на этот счет не в курсе. И пристегнись.

– Что за блажь? – Стелла поморщилась, пытаясь устроиться поудобнее.

– Пристегнись, я сказал! – не сдержавшись, зло прикрикнул я, неохотно садясь на ее место. – Или вызывай эвакуатор и сиди тут одна его жди.

– Ладно, ладно, – с интересом глянула на меня ведьма и щелкнула замком. – Вот, пожалуйста.

Я положил руки на руль, прислушался к себе. Да нет, вроде все нормально, пальцы не дрожат, в ушах не шумит, в глазах не рябит.

– Ты отвезешь меня домой? – поинтересовалась Стелла. – Сразу говорю – в гости не приглашу. Мой дом – моя крепость.

– Когда я в последний раз такое от девушки слышал, дело было исключительно в том, что у нее в квартире редкостный срач стоял, – не удержался от колкости я, попутно регулируя под себя зеркало заднего вида. – Небось у тебя тоже лифчики и трусы внавалку на стульях накиданы, вот ты и придумываешь оправдания на ходу. Ладно, не дергайся, не собираюсь я к тебе в гости набиваться, оно мне нафиг не надо, себе дорожке может выйти. Ты же меня прямо от дверей в постель потянешь, наплевав на телесные повреждения, а мне...

На этот раз она ударила меня под ребра, причем так, что я даже скривился от боли.

– Достал ты меня уже! – в голос крикнула Стелла. – Достал! Мачо хренов! Сейчас домой вернусь, и первым делом на тебя сухоту нашлаю. Но не грудную, как обычно, а ту, что пониже пояса мужиков бьет, чтобы у тебя твой инструмент на сдутый воздушный шарик стал похож!

– Не стоит, – поняв, что на этот раз Воронежская не шутит, попросил ее я. Нет, не испугался, просто понял, что палку перегнул. С нее станется, она ведь и правда может это сделать. – Все, тема снята, больше не буду так шутить.

– Плевать! – Похоже, внутри у Стеллы лопнула какая-то струна, она некрасиво кривила губы, глаза ее, казались, вобрали всю темноту вплотную подступившей ночи, а в голосе слышались непривычные визгливые нотки. – На все плевать! Змеи? Пусть будут змеи! Но тебя...

– Угомонись! – Я отвесил ей пощечину, причем силу особо не соразмерял, потому голова ее мотнулась вправо, приложившись еще и о автомобильное стекло. – Хорош психа давить. Закончили перепалку до той поры, пока я мотор не заглушу. Не отвлекай водителя во время движения транспорта.

Ведьма замолчала, поглаживая рукой щеку, и еле слышно всхлипывая.

Я очень давно не сидел за рулем – и по закону права не имел, да и сам за него не рвался. Но все вышло, как в той пословице – если хоть раз научился ездить на велосипеде, то уже не разучишься. Руки-ноги все вспомнили сами, без помощи головы, внутреннее «я», тихонько начавшее бубнить: «не надо, Валера, добром это не кончится», мигом заткнулось, как только автомобиль стартанул, сходу набрав почти приличную скорость. Движок, конечно, у него зверь, этого не отнять. На моем «астоне», правда, получше стоял, но мне его специально... А, чего теперь вспоминать? Было и было.

Пустая в этот час дорога серой лентой ложилась под колеса, давно забытые ощущения вышибли из головы все треволнения этого длинного дня. Мне сейчас было очень хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vasil-ev_andrey/zoloto-mertvyh

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)